Архиепископ ЛОЛЛИЙ (Юрьевский)

АЛЕКСАНДРИЯ И ЕГИПЕТ*

Евсевий Кесарийский был очень близок к истине, когда в сочинении «О созерцательной жизни» почувствовал веяние христианства. Конечно, он ошибся, приняв терапевтов за древнейших христиан, учеников евангелиста Марка. Но для нас имеет громадное значение замечание Евсевия относительно должностных лиц, находившихся в общине терапевтов. И это замечание сохраняет свою силу и свой авторитет даже независимо от решения вопроса о том, кого в действительности имел в виду автор сочинения «О созерцательной жизни», когда писал о терапевтах. Слова «отца церковной истории» авторитетны сами по себе. Изложив вкратце словами подлинника сведения о терапевтах, Евсевий делает неожиданно такое замечание: «затем Филон описывает правила управления их начальниками, отправлявшими церковные должности, как-то: степень диаконов и высшую всех других *степень епископскую*. Кто желает узнать об этом подробнее, пусть прочитает само повествование»[107]. Но в «самом повествовании» совсем нет слов «диаконы» и «епископ». Там говорится только о «юных» (νεοι) и о «председателе» (προεδρος), так что выражение: «степень диаконов и степень епископская» представляет собою лишь истолкование подлинника, сделанное самим Евсевием. И этим своим решительным и категорическим истолкованием он дает нам авторитетное и достоверное свидетельство в пользу *существования египетского епископата в самые отдаленные времена,* т. е. в I и II веках. Евсевий располагал такими церковно-историческими источниками, каких до нашего времени не сохранилось, и как защитник Оригена был знаком с египетской церковной историей в таком совершенстве, какого не достигал, конечно, ни один из последующих историков. И если он решился категорически истолковать филоновых «председателя» и «юных» в смысле епископа и диаконов, то только потому, что *положительно знал* о существовании в Египте многочисленных епископов еще в первые два века. Он знал, что в древнем Египте каждая христианская община, даже неимевшая и двенадцати взрослых мужчин, управлялась епископом; согласно этому египетскому канону и обычаю, он никак не мог допустить, чтобы терапевты, уйдя со своей родины и разлучившись с своей парикиальной иерархией, остались на новом месте без епископа; у терапевтов был председатель и проповедник, и этим председателем и проповедником мог быть только

* *Продолжение.* Начало в «Б. тр.», 18, с. 136—179, и «Б. тр.». 21, с. 181—220.

епископ. Таким образом, Евсевий дает нам и еще одно важное свидетельство о существовании епископата в древнем Египте, решительно отвергая измышление Евтихия и подтверждая подлинность и историческую достоверность определений «Устава о клире».

Существование в Египте епископата от апостольских дней — это для Евсевия факт, не подлежащий никакому сомнению, как не подлежало для него сомнению существование епископов в Италии и Сирии. Евсевий дает полный и обстоятельный перечень всех епископов за три века — не только александрийских, но и римских, антиохийских и иерусалимских. Александрийские епископы для него такие же епископы, как и предстоятели всех прочих Церквей: первых он ничем не умаляет пред последними. Давая сообщения о епископских преемствах в важнейших городах, он нигде ни разу не употребил выражения по отношению к какому-нибудь епископу: «был рукоположен», или «получил рукоположение», а всегда говорит одинаково как об александрийских, так и всех прочих епископах в иных выражениях, вроде следующих: «принял епископство», «наследовал», «сделался преемником», «получил власть» и т. д. Но Евсевию и не было никакой нужды употреблять слово «был рукоположен», а тем более повторять это слово множество раз; его читатели достоверно знали, что епископство всюду в Церкви получается не иначе, как только чрез рукоположение, а самое рукоположение должно быть совершаемо не иными лицами, как только епископами и притом в количестве нескольких человек. Эти же самые идеи читатель находит и у Евсевия в повествовательных частях его «Церковной истории»: епископство, по Евсевию, установлено Самим Господом Иисусом Христом и Его апостолами; преемствующие апостолам, епископы рукополагаются ближайшими или сопредельными епископами же. Сообщая, например, о хранении в его время иерусалимскими христианами престола (т. е. кресла) св. Иакова, Евсевий, без всяких ссылок на какую-нибудь молву или предание, категорически пишет: «Престол Иакова, который первый епископство над Иерусалимскою Церковью получил от Самого Спасителя и апостолов и которого Божественное Писание нарицает братом Христовым, сохранился еще доселе»[108]. О преемнике Иакова он сообщает: «После мученической кончины Иакова и вскоре затем последовавшего падения Иерусалима, оставшиеся в живых апостолы и ученики Господни, по свидетельству предания, стеклись отовсюду; вместе с ними пришли и родственники Его по плоти, ибо и из них многие тогда были еще живы. Все они держали совет о том, кого надобно признать достойным преемником Иакова. И занять престол Иерусалимской Церкви единодушно удостоили Симеона, сына Кл(е)опова»[109].

О муже апостольском, св. Поликарпе Смирнском он пишет: «В то же время в Азии процветал собеседник Апостолов Поликарп, получивший епископство над Смирнскою Церковию от самовидцев и служителей Господа[110]. Из истории послеапостольского периода у Евсевия есть такое сообщение: «Когда (епископ Иерусалимский) Наркисс удалился в пустыню и никто не знал, где он находится, тогда епископы сопредельных церквей заблагорассудили рукоположить на его место другого, которому имя было Дий»[111]. Это происходило не позже 195 года. Перечисляя римских епископов, Евсевий, между прочим, пишет: «преемником Понтиана, епископствовавшего над Римскою Церковию шесть лет (230—235 гг.), сделан был Антерос (Анфир), а за

Антеросом, который служил только один месяц, следовал Фабиан»[112]. А о том, как «следовал», тот же Евсевий дает подробный рассказ, который нами был уже подвергнут тщательному и обстоятельному разбору (гл. IV, § 4). В рассказе же этом находятся такие слова: «Когда все братия собрались в церковь для рукоположения того, кто получит епископство, и когда многие помышляли о многих мужах знаменитых и славных, находившийся там же Фабиан и на мысль никому не приходил»[113]. В этих словах Евсевия ясно разграничиваются два момента в поставлении епископов: первый момент — это избрание епископа, когда кандидат «получает епископство», т. е. епархию, второй момент — это «рукоположение», совершаемое собравшимися «братиями», т. е. епископами, чрез каковое избранник становится фактически епископом и преемником Апостолов. «Во время (Дециева) гонения,— говорит Евсевий,— Фабиан (236—250 гг.) мученически скончался в Риме, и епископство его перешло к Корнилию»[114]. Но каким способом перешло, об этом Евсевий не говорит ни слова. Молчание его понятно: способ был общеизвестный, канонический, вселенский. О том, как епископство перешло к Корнилию, мы имеем самое достоверное сведение от его сподвижника и друга св. Киприана Карфагенского, который определенно пишет, что римский епископ, священномученик Корнилий в 250 г. был рукоположен собором шестнадцати италийских епископов, а в качестве гостей и зрителей присутствовали при этом «посвящении» два африканских епископа Калдоний и Фортунат[115]. В 269 году, по сообщению Евсевия, в г. Антиохии состоялся большой собор восточных епископов по делу антиохийского епископа Павла, прозванного, по месту его происхождения, Самосатским. На соборе присутствовали Елен Тарсский, Феотекн Кесарийский, Максим Бострский, Никомас Иконийский, Именей Иерусалимский и много других епископов неизвестных кафедр (Прокл, Элиан, Павел, Волан, Протоген, Иеракс, Евтихий, Феодор и др.). Сделав относительно Павла Самосатского свое постановление, отцы собора «разослали по всем епархиям» послание, в коем было написано и следующее: «Итак, мы принуждены были отлучить этого неуступчивого противника Богу и, вместо него, по Божию, как мы уверены, усмотрению, епископом кафолической Церкви поставили другого: это — Домн, украшенный всеми потребными епископу дарами. Извещаем же вас для того, чтобы вы писали к нему и приняли от него общительные послания»[116]. Итак, по Евсевию, от дней апостольских в кафолической Церкви существует такой порядок: епископа хиротонисует собор епископов. Что же сообщает Евсевий собственно об александрийских епископах? В перечислении александрийских епископов у него выражения по обычаю общи и неопределенны. Он говорит, например, что после Авилия «предстоятельство принял Кердон»[117]. Но из египетских (коптских) источников, коими пользовался Севир ашмунайнский, мы знаем, что Кердон это «предстоятельство принял» при участии прибывших в Александрию епископов «той страны». О Евмене Евсевий выражается, что он «получил жребий предстоятельства»[118], и этим указывает, что Евмен стал епископом по избранию. О преемнике Евмена Марке он говорит, что тот был «поставлен в пастыри»[119]. «Поставление» в епископы исключает всякую мысль протестантского характера о самопосвящении. Термин «поставление» у Евсевия в отношении к александрийским епископам встречается и в следующей выписке из послания Дионисия Александрийско-

го к римскому епископу Ксисту II (257—258 гг.): «в собрании братий находился некто, считавшийся давним правоверным и присоединенный к обществу христиан — еще до моего рукоположения, даже, кажется, до поставления блаженного Иракла»[120]. Но «поставление» Иракла было не иным чем, как тем же рукоположением, что удостоверяется и самим Евсевием. Говоря о церковном писателе III в. Африкане (Юлии Африканском) и его сочинениях, Евсевий сделал такую заметку: «Кроме того, от Африкана дошло до нас пять книг тщательно обработанных им летописей. В этих книгах говорится, что он путешествовал в Александрию, возбужденный к тому великою славою Иракла, который, прославившись знанием философии и других эллинских наук, был рукоположен в епископа тамошней церкви»[121]. Кем же был рукоположен Иракл? Конечно, «сопредельными» епископами, как это было и везде. В противном случае Юлий Африканский, а с ним вместе и Евсевий отметили бы александрийскую особенность чина епископской хиротонии.

Всё, сказанное нами доселе, дает нам возможность более или менее прочно установить такие положения:

1) Епископат в странах, лежащих к западу от Александрии и причислявшихся к Египту (в Ливии и Пентаполе), существовал со времен евангелиста Марка, который рукоположил целый ряд епископов на пространстве между Александрией и Кириной;

2) в последующее время, по кончине евангелиста Марка, епископы были во всех христианских общинах Египта, даже в таких, где взрослых мужчин, имевших право голоса, было менее двенадцати человек;

3) существование в Египте христианского епископата обращало уже на себя внимание римских язычников II в., как это видно из письма императора Адриана к Сервиану (всё равно: будет ли это письмо подложным или подлинным);

4) для церковных деятелей начала IV в. все правила и установления касательно отношений египетских епископов друг к другу, а также к александрийскому епископу были уже законами «отцов и праотцев» и обычаями древними.

§ 9. Начало епископата в Египте

Мы уже видели, что в первой четверти IV в. на Александрийском соборе 318 г. присутствовало «около ста епископов» Египта и Ливии без епископов более отдаленных стран — Фиваиды и Пентаполя. Поэтому нужно думать, что всех епископов в Александрийском диоцезе было в начале IV в. значительно более ста. Но, ведь, не в IV же веке сразу и одновременно были открыты кафедры этих епископов.

По словам Евтихия и безусловно доверяющих ему протестантов, в Египте, не считая александрийского епископа, не менее 170 лет (61—230 гг.) не было ни одного епископа; к 231 году их стало три, к 247 году — 23, а к 318 г. их было уже свыше ста. Удивительные и ни с чем не сообразные скачки, на которые безусловно обратили бы внимание древние достоверные историки и церковные писатели! Но так как на самом деле ни один из древних писателей не отмечает этих скачков, то ясно, что возникновение епископских кафедр в Египте шло обычным в христианском мире путем, т. е. они возникали от дней апостольских постепенно, шаг за шагом, по мере распространения самого хри-

стианства. Апостольская деятельность евангелиста Марка имела два центра: Кирину и Александрию. Но последний город был культурной главой всего Египта и вместе с тем местом мученической кончины св. Марка. Он и сделался сразу же преобладающим центром для всего христианского Египта. Как и везде, укрепителями христианства в Египте были «епископы Христа». Если бы не было в Египте епископов с самого начала, то и христианство не имело бы там успеха. «Как сделался бы ты христианином без епископов?» — спрашивает св. Афанасий Великий[122]. Общий порядок при распространении христианства был установлен еще Апостолами, которые, по свидетельству их ученика и современника св. Климента Римского, всюду поступали так: «Проповедуя по городам и селам, Апостолы поставляли первенцев их, по испытании духом, епископами и диаконами для будущих верующих»[123]. Это видим мы и в Александрии, где св. Марк ставит в епископы именно александрийского первенца, того самого сапожника, который починил ему башмак в первый день появления его на каменных мостовых Александрии. Такие же первенцы делались епископами и в других городах и даже селениях. Так было всюду, так происходило и в Египте.

Из актов св. Марка мы знаем лишь, что этот евангелист рукоположил епископов для самой Александрии (Анниана) и для стран, лежащих к западу от нее. Но наиболее населенным и оживленным Египет был к югу и востоку от Александрии по берегам Нила и его рукавов. Ужели эти наиболее шумные и бойкие местности Египта не слышали апостольской проповеди?

Мы постараемся дать на этот вопрос более или менее обоснованный ответ, хотя и вынуждаемся сказать, что в данном случае мы вступаем в область «того темного и неразгаданного, что таит в себе история первых дней христианства».

Египет со своим «великим городом» Александрией был в ряду подвластных Риму земель самой плодородной, самой богатой, самой торговой и наиболее культурной страной. В этой прекрасной «стране пирамид», помимо туземного населения — коптов, жило много пришлых греков и особенно евреев. По свидетельству апостольского современника Филона, в его время во всем Египте было «сто мириад» евреев, т. е. целый миллион, а в самой Александрии из пяти ее кварталов они занимали целых два, где насчитывалось их до 120 тысяч. Как в Александрии, так и по всему Египту, они имели множество синагог, причем главная александрийская синагога отличалась необычайным великолепием, так что иерусалимский талмудист, восхищаясь ее богатством и убранством, сказал, что не видеть ее значит не видеть славы Израиля. Указывая на ее обширность и великолепие, он говорит, что в ней для членов синедриона было устроено 70 золотых седалищ, и для каждого иудейского цеха были отведены особые помещения. Кроме синагог, близ г. Илиополя у евреев был свой храм, построенный по образцу иерусалимского и по внешнему виду своему представлявший башню, окруженную прочною стеною. Содержание служивших здесь священников, равно как и всё, потребное для богослужения, обеспечено было доходами с земель, которые подарены были этому храму Птолемеем Филометором (180—145 гг. до Р. Хр.) в благодарность за ту поддержку, какую получил он от евреев во время восстания против него александрийцев. Во всех своих национально-религиозных делах,

а частию даже и в гражданских египетские евреи управлялись особым синедрионом, или, по терминологии Филона, герусией, состоявшей из 70 членов[124]. Таким образом, Александрия и Египет с многочисленным еврейством представляли собой обширное поле для проповеди христианства среди «обрезанных». А между тем, что же мы видим из преданий о благовестнической деятельности 12 Апостолов? Одни из них проповедуют в Сирии, другие в Аравии, третьи в Армении, иные в Парфии, Скифии, Эфиопии, даже в Индии, Павел — в странах европейских. Но кто же в Египте? Почему все Апостолы обходят Египет, как бы сторонятся от него и избегают его? А ведь Египет был очень близок к Палестине: водный путь по Средиземному морю требовал затраты на поездку от Кесарии Палестинской до Александрии всего лишь 60 часов. Можно ли допустить, что Апостолы забыли о Египте и пренебрегли им? Правда, в Александрии и Кирине был Марк, но он был не из числа «высших» Апостолов (2 Кор. 11, 5; 12, 11), а только из числа их спутников и сотрудников.

Мы, со своей стороны, думаем, что на такую важную страну, как Египет, Апостолами было обращено самое серьезное внимание, и только потому не шел туда никто из одиннадцати Апостолов и сам неутомимый Павел, что проповедь в Египте была предоставлена ими первоверховному Петру, главному Апостолу «обрезанных». Если же мы не владеем в настоящее время никакими сказаниями о благовестнической деятельности здесь св. Петра, то только потому, что западное честолюбие вытравило из истории этого Апостола всё действительное и достоверное и создало нелепую легенду о 25-летнем пребывании Петра в Риме. Лживость же этой католической легенды обличается самим Священным Писанием.

По общепринятому мнению церковных историков, кончина апостола Петра была в 67 году[125]; следовательно, прибытие его в Рим, согласно католическому уверению, должно было произойти в 42 году. Между тем известно, что Ирод Агриппа I умер в Кесарии в четвертый год царствования императора Клавдия, т. е. в 45 г. по Р. Хр. А в этом году ап. Петр был в Иерусалиме и, по распоряжению Ирода, подвергся там заключению в темнице (Деян. 12, 3—4). До этого же времени вся деятельность ап. Петра проходила исключительно в Палестине. Так, по кончине св. Стефана он вместе с Иоанном путешествует из Иерусалима в Самарию (Деян. 8, 14). Ап. Павел, чрез три года после своего обращения, видит его в Иерусалиме (Гал. 1, 18). Затем Петр, «обходя всех» в Палестине, посещает города Лидду и Иоппию (Деян. 9, 32, 43) и, наконец, чудесно призывается в Кесарию, где совершает крещение над сотником Корнилием и его домашними (Деян. 10, 24). Из Кесарии он возвращается в Иерусалим (Деян. 11, 2), где в 45 г., как мы видели, заключается в темницу. По освобождении из темницы он «пошел в другое место», т. е. за пределы подведомственной Ироду области (Деян. 12, 17), но во всяком случае не в Рим, а в ближайшие местности с иудейским населением, ибо сказано, что «Бог содействовал ему в апостольстве у обрезанных» (Гал. 2, 8). Чрез 14 лет после своего обращения ап. Павел снова видит Петра в Иерусалиме (Гал. 2, 1, 9). Петр присутствует и на Апостольском соборе в Иерусалиме, после чего окончательно было решено, что Павел и Варнава будут проповедовать у язычников, а Петр с прочими Апостолами у обрезанных (Гал. 2, 9). И действительно, чрез некоторое время Павел встре-

чает Петра в Антиохии (Гал. 2, 11). В дальнейшее время Петр не пребывает в каком-либо одном городе, а путешествует с благовестническими целями по разным городам, как это видно из свидетельства ап. Павла в 55 г. (1 Кор. 9, 5) [126], и притом путешествует не по европейским странам, а по иным, проповедуя, между прочим, «в Понте, Галатии, Каппадокии, Асии и Вифинии» (1 Пет. 1, 1). Во время второго своего благовестнического путешествия ап. Павел хотел вместе с Силой идти в Асию и в Вифинию, однако «Дух Святый не допустил их туда» (Деян. 16, 6—7), очевидно потому, что там было поле деятельности ап. Петра. Когда ап. Павел пишет в 56 г. Послание к римлянам, то поименно перечисляет тех, кому посылает он туда свое приветствие, но Петра он не приветствует: ясно, что последнего тогда в Риме не было. Его там даже и совсем не бывало до того времени, так как Павел, «не созидавший на чужом основании», извещал римлян, что он, «с давних лет имея желание придти к ним», посетит их, как только предпримет путешествие в Испанию (Рим. 15, 20, 23—24). Римляне же, коим писал Павел свое послание, были не коренные жители Рима, а прибывшие сюда из других городов родственники, ученики и знакомые Павла (Рим. 16, 3—15). В 60 г. ап. Павел был привезен в Рим, как подсудимый, но св. Петра там не встретил, хотя и мог бы там встретиться с ним, так как проживал в гостинице, пользуясь относительной свободой.

Так обличается словом Божиим католическая выдумка.

Чтобы уяснить себе, где в действительности протекала апостольская деятельность св. Петра, обратим внимание на следующие весьма важные слова Климента Александрийского: «Евангелие Марка получило свое бытие так: когда Петр в Риме всенародно проповедывал Слово Божие и возвещал Евангелие по вдохновению от Духа Святого, тогда многие из бывших там просили Марка, давнего его спутника, помнившего всё, сказанное им, написать, что он проповедывал. Марк написал Евангелие и передал его нуждавшимся» [127]. Итак, Марк именуется «давним спутником» Петра. И это говорит человек, который был учителем и пресвитером в том городе, где христианство было насаждено св. Марком и где память о нем хранилась свято и неизменно. Между тем из актов Марка достоверно известно, что он скончался мученически в Александрии 4 апреля 63 года, а за два года пред этим удалился в Пентаполь и по всей стране укреплял еще ранее насажденное им там христианство. Акты св. Марка никуда не выводят евангелиста за пределы Египта и причислявшихся к нему стран. Поэтому, если евангелист Марк был спутником ап. Петра, то не в иной какой-либо стране, а только именно в Египте. Что Марк действительно находился при Петре, об этом свидетельствует сам первоверховный Апостол, когда пишет своим ученикам, находившимся в Понте, Галатии, Каппадокии, Асии и Вифинии: «Приветствует вас избранная, подобно вам, церковь в Вавилоне и Марк, сын мой» (1 Пет. 5, 13). Это послание отправлено было ап. Петром к малоазийским христианам с Силуаном, который долгое время находился при ап. Павле (1 Сол. 1, 1; 2 Сол. 1, 1; 2 Кор. 1, 19) и мог разлучиться с ним только летом 57 г., когда Павел вынужден был остаться в Палестине на продолжительное время. Следовательно, ап. Петр, Силуан и Марк могли быть все вместе в Вавилоне не раньше лета 57 года. Но в каком Вавилоне?

Если бы на свете существовал только один Вавилон, тогда было бы

неоспоримо, что ап. Петр писал из Месопотамии. Но так как в те времена был еще и другой Вавилон, то, следовательно, вопрос о месте происхождения апостольского (соборного) послания осложняется. О каком Вавилоне могла быть речь у ап. Петра? Во всяком случае не о месопотамском, так как этого, некогда знаменитого, Вавилона в апостольскую эпоху уже не существовало: на его месте были одни лишь развалины. Уже Страбон, писатель начала I в. (умерший в 24 г. по Р. Хр.), говорил в своей «Географии» (кн. XVI) [128] о Вавилоне словами поэта:

Город великий великой пустынею стал.

Плиний Старший, погибший в 79 г., писал в своей «Естественной истории», что в его время в Вавилоне «всё обратилось в пустыню» (in solitudinem redidit), лишь одиноко стоял опустевший храм Бела. Путешественник и историк II в. Павсаний, писавший в 143—180 гг. «Описание Эллады», сообщает: «От Вавилона, громаднее какого города не видело солнце, остались одни только стены и храм Бела, как и от аргосского Тиринфа» [129]. Значит, нам нужно обратить внимание на другой Вавилон. Этот Вавилон, действительно существовавший в апостольское время, находился именно в том Египте, которому св. Марк посвятил свою деятельность. Этот Вавилон, в наше время носящий арабское название Масру-аль-атика, лежал в Северном Египте (во 2-й Августамнике, с. ш. 30° 8′, в. д. Гр. 31° 12′), не далее 200 верст к юго-востоку от Александрии, близ того Илиополя, где стоял храм египетских евреев. Этот Вавилон в I в. был известен Страбону, как «укрепленный пост» (φρουριον ερυμνον); он существовал, как видно из Лавсаика Палладия Еленопольского (гл. 25), и в V в., и имел тогда епископскую кафедру; из его епископов в исторических памятниках упоминаются Кир, участвовавший в 449 г. в Разбойническом соборе вместе с Диоскором, и Зосима в VI в., ранее бывший монахом на Синайской горе. В более позднее время этот город назывался даже «великим Вавилоном» [130]. Основание этого города относят к далеким временам фараонов, когда пленные вавилоняне (халдеи) возмутились против своих победителей и, убежав в укрепленное самой природой место близ Нила, с успехом отбивались от египтян, а затем, пользуясь безнаказанностью, выстроили здесь для себя город, назвав его, в память о своем далеком отечестве, Вавилоном [131]. Конечно, есть много ученых (преимущественно католических), отрицающих пребывание Петра в этом Вавилоне. Но всех их шокирует одно обстоятельство: как Петр мог писать из такого незаметного и маловажного городка? «Для многих,— говорит проф. И. Чельцов,— кажется странным допустить, что ап. Петр писал послание из такого незначительного города, как Вавилон египетский; но почему же, с другой стороны, ап. Петр должен был для написания его нарочно избрать какой-нибудь знаменитый город?» [132]. Некоторые ученые, напр., И. Гоффманн [133] и Ф. Фаррар [134], делают возражение, что такое незначительное место, как египетский Вавилон, могло быть адресатом ап. Петра и неизвестно; они об этом городе могли даже совсем не слышать. Недоумение и возражение детски наивное! Христианам для того, чтобы «быть святыми, по примеру призвавшего их Святого» (1 Пет. 1, 15), совсем не нужно знать географию со всеми ее подробностями, да и ап. Петру не было никакого смысла для написания своего послания идти и разыскивать такой

город, который был бы известен его адресатам: авторитет и богодухновенность послания не зависят от размеров города. Но если читатели Петра и не знали о египетском Вавилоне, то во всяком случае они узнали о нем потом от того Силуана, который доставил им это послание.

Чтобы установить точнее, когда именно после летних месяцев 57 г. могли быть в Египте все вместе — ап. Петр, Силуан и Марк, нужно принять во внимание, что в то время, когда ап. Павел писал свои послания к колоссянам и Филимону, Марк был уже не при Петре, а при Павле, как это видно из слов последнего: «Приветствует вас и Марк, племянник Варнавы, о котором вы получили приказания: если придет к вам, примите его» (Кол. 4, 10; ср. Фил. 1, 23). Послания же эти были отправлены Павлом из Рима в 62 году. Из всех этих хронологических данных можно заключать, что ап. Петр с евангельской проповедью прибыл в Египет около 56 года, после насаждения и упрочения христианства в странах малоазийских, и оставался здесь до 62 года, т. е. в течение шести лет. После летних месяцев в 57 году к нему присоединился Силуан; Марк же мог прибыть к нему во время своего «бегства» из Александрии, что было около 61 года. Удалившись из Александрии, Марк, по словам его актов, отправился в Пентаполь. Но был ли он на этот раз в Кирине, мы не знаем. От Александрии до Кирины древние насчитывали 525 тысяч римских шагов, т. е. около 725 верст. Может быть, апостол и не дошел до Кирины, а посетив другие, более близкие к Александрии города и селения, счел нужным обратиться к востоку и направиться на свидание с первоверховным Петром, пребывавшим в Нижнем Египте, и разделить с ним благовестнические труды. Во всяком случае такое путешествие к Петру в Нижний Египет гораздо естественнее и правдоподобнее, чем путешествие в месопотамский Вавилон, и не требовало от него большой затраты времени, которым он, конечно, дорожил. Чтобы достигнуть халдейского Вавилона, св. Марку нужно было из Пентаполя проехать морем мимо всего египетского побережья до какого-либо палестинского или сирийского города (напр., Кесарии или Антиохии) и уже оттуда отправиться в Месопотамию. От берегов же Средиземного моря до Вавилона расстояние более 1500 верст. Нужно знать древний способ передвижения на Востоке, чтобы представить себе всю продолжительность и все невзгоды такого путешествия. Ныне по железным дорогам в скором поезде расстояние в 1500 верст проезжается в 40 часов. Древность о таких скорых поездах не имела понятия. По обширным пустынным и малолюдным пространствам передвижение совершалось на верблюдах, и день верблюжьего пути определялся в 30 верст. В путь отправлялись тогда не каждый день, а лишь изредка, когда составлялся торговый караван. Езда караванами вызывалась необходимостью, так как на пути нередко встречались разбойники-бедуины. Путешествие замедлялось тогда еще тем обстоятельством, что купцы во всех бойких селениях, а особенно в узловых пунктах обыкновенно останавливались на несколько дней, занимаясь торговыми оборотами[135]. Поэтому, если расстояние в 1500 верст могли покрыть в 50 дней, то купеческие караваны на самом деле проходили такое расстояние более трех месяцев. Значит св. Марк, отправившись из Пентаполя в халдейский Вавилон, со всеми ожиданиями попутчиков и остановками в пути, затратил бы почти полгода только для того, чтобы посмотреть на окруженные древ-

ней стеною груды развалин и опустелый храм Бела, а затем снова затратить столько же времени на обратный путь, потеряв непроизводительно целый год в томительных и скучных передвижениях. Между тем для такого далекого путешествия у него не было и времени: в 61 г. он посещает христиан Пентаполя, в 62 г. он находится в Риме при Павле, а в 63 г. 4 апреля принимает мученическую кончину в Александрии. Да зачем бы и сам первоверховный апостол «обрезанных» пошел в такую, по тогдашним понятиям, весьма далекую страну, где, даже по свидетельству еврейского историка Иосифа Флавия, оставалось евреев уже не очень много, да и те были разбросаны по редко встречавшимся там городам? Земли бывшего вавилонского царства входили в то время в состав владений Парфии (царства Арсакидов), а Ориген и Евсевий отмечают предание, что «идти в Парфию выпал жребий Фоме»[136], а не Петру. Специально отправившийся в Парфию, Фома мог попутно проповедывать и в вавилонских окрестностях и даже пройти в другие восточные страны до самой Индии[137]. Жребий Петра был не здесь, а в Египте. Поэтому-то в Египет не шел ни один из Апостолов; даже св. Павел, «с давних лет» стремившийся в Рим и Испанию и «всегда просивший в молитвах своих, чтобы воля Божия когда-нибудь благопоспешила ему придти туда» (Рим. 1, 10; 15, 23), никогда не помышлял о Египте. И св. евангелист Марк, оставивши Варнаву, идет в Кирину и благовествует в Пентаполе и Ливии, но не в собственном Египте, и только уже позже, побуждаемый особым откровением, отправляется в Александрию.

Древнее и достоверное свидетельство о проповеднической деятельности ап. Петра в Египте мы усматриваем в краткой автобиографической заметке Климента Александрийского, сделанной им в «Строматах». Вспоминая о своих путешествиях и встречах с разными христианскими учителями, Климент в самом начале «Стромат» заметил: «Это сочинение написано не для тщеславия, но как врачевство против забывчивости; оно заключает в себе сокровище воспоминаний на старость». Перечисляя тех немногих «блаженных и истинно достославных мужей», которых он некогда слушал, Климент не называет почему-то ни одного из них по имени, а только отмечает места их происхождения. Один из них родился в Келесирии, другой в Ассирии, третий в Палестине, но был среди них и такой, который родился в Египте. Упомянув об этих своих наставниках, Климент затем добавил: «Сохраняя истинное предание божественного учения, которое эти мужи, как сын от отца, приносят прямо от святых апостолов Петра и Иакова, Иоанна и Павла, они с Богом дожили до нашего времени, чтобы передать нам оные семена прародителей и Апостолов»[138]. Чтобы правильно понять и оценить это свидетельство, нужно прежде всего обратить внимание на то, что Климент говорит о таких мужах, которые приняли учение непосредственно, «прямо от Апостолов». Эти мужи своими глазами видели Апостолов и своими ушами слышали их учение. В том, что эти учители Климента дожили до его времени, он усматривает особенное действие Божественного Промысла: значит, возраст их, когда Климент с ними встретился, был уже исключительный, необычайно ветхий. Когда же Климент с ними виделся? Ответить на это можно только приблизительно. Обыкновенно полагают, что «Строматы» написаны Климентом не ранее 195 г. и не позже 211 г. Но «Строматы» — труд незаконченный, и думают, что писаны они были в течение не-

скольких лет. Допускают даже, что первые четыре книги этого сочинения написаны были раньше апологетического труда Климента «Протрептик» (иначе «Увещание к эллинам»). «Протрептик» же обычно относят к 195 г. Поэтому начальные главы «Стромат» должны быть отнесены к тому же 195 г. или даже 194 году. Приступая к составлению «Стромат», Климент помышляет о своей старости. Значит, он стоял в преддверии к ней или даже уже и вступил в этот возраст. Поэтому можно предположить, что в 195 г. Клименту было уже около 60 лет; следовательно, родился он приблизительно около 135 г. Допустим, что он принял христианство и начал путешествовать по разным странам в молодых годах, будучи лет двадцати, т. е. около 155 г. по Р. Хр., когда со дня смерти первоверховных апостолов Петра и Павла († 67 г.) прошло уже 88 лет. Но так как упоминаемые им старцы помнили апостольские речи, то нужно полагать, что они при общении с Апостолами были уже в таком впечатлительном и восприимчивом возрасте, как детский возраст от 10 до 12 лет. Какого из четырех, перечисленных Климентом, Апостолов мог видеть мальчик в Египте? Конечно, ни Иакова, ни Павла, ни Иоанна, а одного только Петра. Видеть последнего он мог не позже 62 года. Следовательно, в 155 г., когда Климент где-то с ним встретился, ему было уже не менее 103 лет. Не будем к этому недоверчивы: Наркисс Иерусалимский умирает, имея свыше 116 лет, Димитрий Александрийский — 105 лет. Существование в дни Климента старца-египтянина, апостольского «самовидца» и слушателя, делает для нас пребывание ап. Петра в Египте фактом исторически достоверным.

Конечно, в естественном порядке возникает вопрос: если ап. Петр целых шесть лет трудился в Египте, то почему он не был в Александрии и не положил там начала христианской церкви? На этот вопрос можно ответить, что нет никаких данных так решительно отрицать посещение Петром Александрии. Что ап. Петр был в Александрии, об этом можно догадываться из существования в древности предания о беседе его с александрийским ученым Филоном, о чем писал и Евсевий Кесарийский в таких словах: «Говорят, что при Клавдии Филон беседовал в Риме с Петром, который проповедывал там евангелие,— и это не невероятно»[139]. Отрицать возможность беседы между двумя евреями — галилейским Петром и александрийским Филоном, конечно, нельзя. Но при Клавдии (41—54 гг.) Петр не был в Риме. Очень может быть, что под влиянием и напором западного властолюбия, присвоившего себе монополию на ап. Петра, правдивое сказание о свидании его с Филоном подверглось искажению и приняло тенденциозный характер. Свидание апостола с еврейским философом всего естественнее могло совершиться в Александрии. Петр был апостолом «обрезанных», и в Александрии он мог обратить свое слово именно к тамошним евреям. Но из книги Деяний апостольских мы видим, что александрийские евреи давно уже знали о возникновении христианства и некоторые из них, находясь в Иерусалиме (очевидно, во время иудейских праздников), вступали в состязание с св. Стефаном и даже сделались виновниками его мученической кончины (Деян. 6, 9, 12). Поэтому Петр с своим благовестием мог встретить в Александрии среди еврейского населения одно лишь тупое, заранее подготовленное предубеждение к евангельской проповеди и непроницаемо закрытые для христианства сердца. Поэтому, опасаясь еврейского противодействия благовестию и

среди тамошних язычников, он предпочел совсем оставить Александрию и перенести свои апостольские труды в египетские номы, а в Александрию для проповеди язычникам послать новое неожидаемое евреями лицо — св. Марка, о коем Евсевий сообщает, что он именно «послан был первый в Египет»: упоминаемое в актах «откровение» св. Марку и данное ему ап. Петром распоряжение могли совпадать и хронологически и причинно. Прибывший в Александрию Марк идет не к евреям уже, а чудесно направляется прямо к язычникам, минуя 120-тысячное еврейское население: явление необычайное и беспримерное!

Католические возражения против признающих проповедническую деятельность Петра в Египте не имеют решительно никакой силы. Самое главное из них — это указание на отсутствие в Египте памяти о проповеди там св. Петра. Но что в Египте не сохранилась такая память, в этом нет ничего удивительного: не сохранилась память о Петре и в тех малоазийских странах, где он проповедывал и куда он писал свои послания — в Понте, Галатии, Каппадокии, Асии и Вифинии; не сохранилась она и в тех странах, где, по свидетельству ап. Павла, Петр благовествовал, имея спутницей свою жену (1 Кор. 9, 5). Даже самые эти страны остались неизвестными. Лишь однажды Коринф устами своего епископа Дионисия, современного римскому Сотиру (166—174 гг.), засвидетельствовал о проповеди ап. Петра в Коринфе. В ответ на полученное из Рима послание он отвечал: «вот и вы этим напоминанием соединили насаждения, произращенные Петром и Павлом в Риме и Коринфе, потому что оба они насадили нас коринфян и оба учили, равно как и в Италии — оба они учили и оба в одно время пострадали»[140]. Но трудно сказать, чем руководился в данном случае Дионисий Коринфский: живым ли и действительным преданием, сохранявшимся в его время в Коринфе о проповеди там ап. Петра, или своеобразным истолкованием слов св. Павла о бывшем некогда в Коринфе разделении между верующими, когда одни там говорили: я — Павлов, другие: я — Аполлосов, а третьи: я — Кифин (1 Кор. 1, 12). Впрочем, как бы то ни было, но один город (Коринф) решился считать себя «насаждением» Петра. Прочие же страны никогда никому не заявляли о том, что в них трудился первоверховный Апостол. Память чаще всего сохранялась об Апостолах и прочих христианских деятелях лишь там, где были их гробницы и останки, самой наличностью своей заставлявшие местных христиан не забывать погребенных у них подвижников, особенно если последние приняли здесь мученическую смерть. Египет и особенно Александрия крепко помнили евангелиста Марка: он здесь был замучен, здесь была и гробница его. Марк стал «первой драгоценностью» христианской Александрии. Петр скончался мученически в Риме, как о том говорит Евсевий, что «под конец находясь в Риме, Петр распят был на кресте головою вниз, каковой образ страдания избрал сам»[141]. Поэтому память о Петре сохранилась в Риме. Но властолюбивый Рим не только сохранил о Петре память, но и всего его присвоил исключительно себе и всю его деятельность перенес к себе, не считаясь даже с самим Священным Писанием. Рим всё исказил и вытравил. Насколько Рим был в данном отношении бесцеремонен, можно видеть из того, что даже явные свидетельства Священного Писания о деятельности Петра вне Рима, с определенными географическими наименованиями мест его деятельности, католические ученые всякими неправдами и натяжками стараются обратить в пользу

Рима. Это случилось, напр., и с Вавилоном, из коего Петр писал свое первое послание. Для католических ученых и церковных деятелей Вавилон — это Рим! Приводится и доказательство от Священного Писания и соображение от разума. В Апокалипсисе говорится: «пал, пал Вавилон, город великий, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице» (Апок. 14, 8; 18, 2). Это апокалиптическое изречение католики, в обличение самих себя, относят к своему Риму, хотя история не знает такого момента, когда бы Рим пал и от величайшего землетрясения распался на три части (Апок. 16, 18—19). О его падении, пожалуй, можно говорить только в том смысле, в каком говорил московский мыслитель XVI века: «два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать». Но если Рим пал именно в этом смысле, т. е. в смысле отступления от православия, то католики должны согласиться, что они-то и сделали Рим жилищем бесов и всякого нечистого духа и сами стали «нечистыми и отвратительными птицами». Если же это толкование неугодно католикам, то остается признать только то, что Апокалипсис пророчествует о далеких будущих временах, когда на смену не только городам древней греко-римской империи, но даже центрам нынешнего европейско-американского мира придут новые города, которые будут больше не только скромного Рима, но и Лондона и Нью-Йорка. Ссылаясь на Апокалипсис, католические экзегеты забывают и то обстоятельство, что послание Петра совсем не Апокалипсис и что Петру не было никакого смысла заменять подлинные географические названия какими-то псевдонимами. Если под Вавилоном у него разумеется Рим, то что же нужно разуметь под Понтом, Галатией, Каппадокией, Асией и Вифинией? Соображение от разума, какое приводится католическими учеными, это одно: Петр наименовал Рим Вавилоном в целях «необходимой предосторожности», чтобы не подвергнуть себя и римских христиан преследованию со стороны язычников. Но навязывать Апостолу такое намерение значит низводить его на положение позорного предателя: сам заметая следы своего пребывания в Риме и защищаясь географическим псевдонимом, он с головой выдает христиан Понта, Галатии и других областей, не прикрывая эти местности никакими вымышленными именами. Так при помощи всяких натяжек Рим, как это видно из «Церковной истории» Евсевия[142], издревле пытается во что бы то ни стало приобрести себе исключительные права на апостола Петра. Несостоятельность римских претензий ведет к положительному признанию того факта, что св. Петр действительно был в Египте и проповедывал там целых шесть лет.

В 61 г. ап. Петр находился в египетском Вавилоне; с ним был там его сотрудник Силуан; в том же году прибыл к нему и св. Марк. Вскоре после этого прибытия Марка в Вавилон Петр посылает его в Рим, несомненно, с какими-то поручениями, вероятнее всего, с уведомлением Павла и римских христиан о своем намерении прибыть к ним и с просьбой создать для него там благоприятную обстановку. Поездка Петра в Рим могла вызваться именно пребыванием тогда Павла в узах, сильно ограничивавших и стеснявших его апостольскую деятельность. Действительно, в 62 г. мы видим Марка в Риме, при ап. Павле, который, в свою очередь, намерен был послать его зачем-то в Колоссы. Что Марк отправился в Рим без Петра и раньше его, это видно из посланий Павла к колоссянам и Филимону: из деятелей христиан-

ской миссии были тогда в Риме только евангелисты Марк и Лука, также Тимофей, Тихик, Епафрас, Аристарх, Димас и новообращенный Онисим. Петра еще не было. Но Марк не успел еще выехать в Колоссы, как в том же 62 г. прибыл в Рим и сам ап. Петр. Это был момент, когда Петр первый раз увидел столицу. Марку пришлось здесь несколько задержаться и, по просьбе римлян, написать свое Евангелие. После этого Марк, по-видимому с Тимофеем, выехал из Рима, но, никогда не имев влечения к Малой Азии (Деян. 13, 13; 15, 37—39), он, видимо, изменил свой маршрут и отправился не в Колоссы, а прямо в свою Александрию. Быть может, он намеревался поехать в Колоссы впоследствии, сначала навестив своих александрийских учеников. Но, прибыв в Александрию, вероятно, ранней весной 63 г., он вскоре же, во время праздника Сераписа, 4 апреля, принял от язычников мученическую смерть. Когда ап. Павел писал Тимофею из Рима: «Постарайся придти ко мне скоро. Марка возьми и приведи с собою, ибо он мне нужен для служения» (2 Тим. 4, 9, 11), то, очевидно, он не знал, что Марк изменил свой маршрут, и известие о кончине святого евангелиста до него еще не дошло.

Приведенное нами изыскание о благовестнической деятельности ап. Петра, который трудился в Египте целых шесть лет, ведет к определенному заключению, что создание епископата в собственном Египте, т. е. в местностях, лежащих по течению Нила и в его Дельте, есть дело первоверховного Апостола, — так же, как создание епископата в самой Александрии и в странах, лежащих к западу от нее, есть дело св. евангелиста Марка. Несомненно, что Петром и Марком были поставлены епископы во многих египетских городах и, вероятно, даже в селах. Только этим обстоятельством и можно объяснить молчание древних историков, напр. Евсевия Кесарийского, о времени возникновения египетского епископата. Последний возник в Египте тогда же, когда возник он везде, т. е. в эпоху апостольскую. Поэтому-то св. Афанасий Великий, увещая Драконтия, рукоположенного в епископы из монахов и под влиянием монашеских советов снова удалившегося в монастырь, писал ему о епископском служении: «Что учредил Господь чрез апостолов, то прекрасно и непоколебимо пребывает»[143]. Для св. Афанасия египетский епископат был не новым установлением, возникшим при Димитрии, всего лишь за 70 лет до рождения Афанасия, но учреждением древним, «прекрасно и непоколебимо пребывающим» от дней апостолов. Если бы виновником происхождения египетского епископата был Димитрий александрийский, то Евсевий необычайный факт такого позднего возникновения епископата в Египте несомненно отметил бы в своей «Церковной истории», как достопримечательное и исключительное явление, и если бы Иракл «увеличил число епископов, то его энкомиаст (панегирист, т. е. Евсевий),— как сказал еще Соллерий, — с успехом истолковал бы это для похвалы ему»[144]. Но Евсевий об этом ничего не говорит. Значит, распространение епископата по Египту Евсевий совсем не ставит в зависимость от соображений и распоряжений Александрийских владык. Древние историки и вообще церковные писатели, зная, что в каждой стране, где есть христиане, есть и епископы, говорят о последних только в том случае, когда к тому представляется какой-либо важный повод. Поэтому Евсевий не называет по имени ни одного из египетских епископов за все время от дней евангелиста Марка до дней св. Дионисия. По Евтихию, например, при

Иракле было уже 23 епископа в Египте. Но Евсевий ни об одном из них не упоминает, как будто бы в Египте при Иракле не было ни одного епископа. Причина молчания одна: не было повода говорить о них. Первый повод к тому, чтобы назвать некоторых из египетских епископов, нашелся для Евсевия только тогда, когда у него зашла речь о посланиях св. Дионисия Великого. За время епископства св. Дионисия Евсевий упоминает только о семи епископах. Это следующие:

1. Херимон Нилопольский,
   Конон Гермопольский,
   Непот (Арсинойский),
   Аммон Вереникский,
5. Василид в Пентаполе,
   Герман и
7. Иеракс.

Но по этому случайному упоминанию о семи епископах никак нельзя судить об общем количестве египетских епископов в то время. Однако, если принять во внимание, что Гермополь Великий (Ашмунайн), где епископствовал Конон, лежал к югу от Александрии в расстоянии 365 верст, а Вереника (ныне Бенгази), где была кафедра епископа Аммона, лежала к западу от той же Александрии в расстоянии более 900 верст, то нужно думать, что при Дионисии было в Египте епископов значительно больше 23. Ведь, если христиане были тогда в Гермополе Великом, то они были, конечно, и в городах, лежавших между Александрией и Гермополем. В V в. на этом протяжении по берегам Нила было до 50 кафедр. Очень может быть, что все они существовали уже и при Дионисии и даже раньше его: город Арсиное, где был епископом Непот и куда по смерти его выезжал сам Дионисий, лежал почти на полдороге между Александрией (в 205 верстах) и Гермополем (ближе к последнему, в 160 верстах); в той же полосе лежал и Нилополь, где епископом был глубокий старик Херимон, который в Дециево гонение (249—251 гг.) ушел в Аравийскую гору и там бесследно исчез[145]. Это обилие епископских кафедр в древнем Египте показывает, что последний жил одною жизнью со всем вообще христианским миром, не представляя собой в этом случае никакого исключения. Лучшим подтверждением этого служат слова Оригена о епископах, находящиеся в его сочинении «Против Цельса» (кн. 1, гл. 8). Это сочинение написано Оригеном под конец его жизни в 248 г., т. е. в то время, когда в Александрии кафедру св. Марка только что занял Дионисий Великий. Говоря о епископах, как начальниках и предстоятелях церкви, Ориген не делает никакого исключения для Египта. Если бы Египет представлял собою какое-либо уклонение от общецерковной нормы, то Ориген и не решился бы говорить в таком положительном, категорическом тоне, какой мы у него встречаем. Наоборот, нужно думать, что, как учитель, принадлежавший преимущественно Александрии и проживший в ней большую часть своей жизни, Ориген имел прежде всего в виду именно Египет, когда писал такие слова: «Зная, что в каждом городе есть свой особый состав церкви, устроенный Словом Божиим, мы призываем к начальству над церквами (мужей) сильных словом и проводящих непорочную жизнь, не принимая властолюбивых, принуждая, напротив, тех, которые по большой скромности не хотят скоро принять на себя общее попечение о Церкви; и мудро начальствующие над ними бывают поставлены на это великим Царем, Которым исповедуем мы Сына Божия, Бога Слово. И если начальствующие в церкви начальствуют хорошо над отечеством о Боге, — я

говорю о так называемых предстоятелях церкви, — и если начальствуют по заповедям Божиим, то по этой причине они никогда не оскверняют себя законами языческими»[146]. Итак, по Оригену, епископы в его время были в каждом городе. Египет он не ставит на особое положение. Очевидно, что Египет был подобен всем прочим христианским странам. В нем мы видим то же самое, что было, например, и в Палестине, и в Италии.

Палестина — страна незначительная, равная лишь какому-нибудь уезду прежних русских губерний. В наиболее известных исторических источниках обыкновенно упоминаются только две палестинские кафедры: кесарийская и иерусалимская (элийская). А между тем, оказывается, что когда в конце II в. иерусалимский епископ Наркисс, подвергшись грязной клевете, удалился в пустыню, нашлись какие-то «епископы сопредельных церквей», которые рукоположили ему преемника Дия. Эти же «сопредельные епископы» являются и другой раз, когда тот же Наркисс, возвратившись в Иерусалим, стал нуждаться по своей дряхлости в епископе — помощнике и соправителе (викарии)[147]. Руководясь различными историческими источниками, А. Гарнак в своем исследовании «Миссия и распространение христианства в первые три века» определяет, что в маленькой Палестине в III в. было 13 архиерейских кафедр, а в IV в. — уже около 30[148].

Еще ярче это обилие кафедр выступает в Италии, хотя и нет возможности назвать те местности, где эти кафедры в то время находились. Насколько освещена и разработана церковная история Рима, настолько же неизвестна древняя история христианской Италии. История не сохранила нам ни одного имени италийских епископов первых трех веков. Но разве тогда в Италии не было епископов? Напротив, их там было очень много. Когда начался в Риме раскол Новациана, то, по сообщению Евсевия Памфила, «в Риме созван был великий собор из шестидесяти епископов, а пресвитеров и диаконов находилось на нем еще более»[149]. Этот собор происходил осенью 251 г. под председательством римского епископа Корнилия, который после собора разослал к важнейшим епископам прочих церквей послания с уведомлением о состоявшихся соборных постановлениях. Одно из таких посланий, именно к Фабию, епископу антиохийскому, Евсевий лично читал и, сделав в своей «Церковной истории» выписки из него, добавил: «В конце своего послания Корнилий прилагает список тех епископов, которые приходили в Рим и осудили безумие Новациана; здесь он означает и имена их, и то, над какою епархиею каждый из них начальствовал; упоминал также о епископах, не приходивших в Рим, но подтвердивших мнение прочих своими грамотами, причем равным образом означает их имена и названия тех городов, откуда грамоты были присланы»[150]. Но если в IV в. историк Евсевий знал кафедры и имена италийских епископов, современных Корнилию, то своим знанием в этой области он ни с кем не поделился. Принимая во внимание, а) что на «великом соборе» в Риме присутствовало 60 италийских епископов, б) что в Италии были и епископы, не приходившие в Рим, но согласившиеся с соборным определением и в) что могли оказаться в Италии еще и такие епископы, которые перешли на сторону Новациана, изменив православию,— А. Гарнак полагает, что в Италии (на Апеннинском полуострове) к 251 году было не менее ста епископских кафедр[151]. Итак, одновременно правят христианской Италией 100 епи-

скопов, о которых история ровно ничего не знает. Тем не менее, никто никогда не утверждал, что эти италийские кафедры возникли сразу или создавались по усмотрению римских пап резкими скачками. Нет; дело представляется шедшим в простом, естественном, постепенном порядке.

Теория скачков в применении к египетскому епископату, выводимая из «Жемчужной цепи» Евтихия, нужна протестантам в их чисто конфессиональных целях. Поэтому они и придают сообщению Евтихия громадный авторитет, пренебрегая всеми другими более древними историками. У нас в России наиболее усердным насадителем этого тенденциозного воззрения был проф. П. Гидулянов (ныне * особенно известный своей книгой «Отделение Церкви от Государства»). Для него не было никаких других авторитетов, кроме А. Гарнака с пресловутым Евтихием. Касаясь александрийской церкви, он решительно заявляет: «Первым достоверным единоличным епископом Александрии был Димитрий. Весьма возможно, что до этого как Александрия, так и другие египетские христианские общины управлялись пресвитерами и диаконами. Димитрий был тем, кто первый заложил прочный фундамент будущего могущества александрийских иерархов. В долголетнее правление этого епископа в Александрии совершился переход к правовой власти. Димитрий первый дал ей прочное основание. Он первый начинает проводить в жизнь несуществовавший до него в Египте институт единоличных епископов. По сообщению Евтихия (IX в.), Димитрий посвятил только трех таких епископов, но его преемник Иракл (230—246) уже двадцать. Вместе с тем Димитрий старается поднять значение епископской власти путем ослабления могущественного пресвитерата. Средством для этого являются соборы. Он первый понял их значение для усиления своей власти и воспользовался ими против Оригена»[152]. Так, слепо следуя А. Гарнаку и благоговейно преклоняясь пред Евтихием, проф. П. Гидулянов совершенно забывает, что Евтихий — не первоисточник, и что его «Жемчужная цепь» — не ученый, критически обработанный труд. Если бы проф. П. Гидулянов на основании Анналов Евтихия задумал определить время жизни и деятельности «первого достоверного единоличного епископа Александрии», т. е. Димитрия, то он только запутался бы в анахронизмах. Никогда не сообщающий о своих источниках и пособиях, Евтихий делает о Димитрии такие сообщения, которые, с одной стороны, как будто бы носят исторический характер, а с другой — являются внутренне несостоятельными. О времени деятельности Димитрия у патриарха Евтихия находятся такие слова, на которые давно уже обратили внимание, каждый с своей точки зрения, аббат Соллерий[153] и проф. А. Гарнак[154]. Слова эти читаются так: «В то время Димитрий, патриарх александрийский, написал послание к Габию (ad Gabium), епископу иерусалимскому, Максиму, патриарху антиохийскому, и Виктору, патриарху римскому, о способе христианского вычисления пасхи и поста и о том, чем он отличается от пасхалии иудейской». По исследованию Гарнака, источником для Евтихия в данном случае послужил синаксарь коптских христиан, обрисовывающий Димитрия в качестве древнего церковного писателя. Но, пользуясь коптским синаксарем, Евтихий дает о литературной дея-

* Напоминаем, что данная работа архиепископа Лоллия была завершена в 1926 году.— *Ред.*

тельности Димитрия такие сведения, которые совершенно подрывают доверие к его собственной «Жемчужной цепи». Димитрий посылает свое ученое рассуждение к Габию иерусалимскому, Максиму антиохийскому и Виктору римскому. Когда это было? В «Списке преемств» епископов иерусалимской церкви, живших после изгнания иудеев из Иерусалима и переименования последнего императором Адрианом в Элию, у Евсевия никакого Габия нет. Впрочем, этот список, приводимый Евсевием в «Церковной истории», страдает явным пропуском. Повествуя о епископе иерусалимском Наркиссе, Евсевий сделал такое замечание: «в порядке епископов он занимает пятнадцатое (15-е) место». Но когда он стал по «списку преемств» перечислять имена этих иерусалимских епископов не «из обрезанных», а «из язычников», то Наркисс оказался у него только тринадцатым (13). Список этот таков[155]:

1. Марк,	Ганий 1-й,	. . . . .
Кассиан,	Симмах,	. . . . .
Публий,	Ганий 2-й,	Валент,
Максим 1-й,	Юлиан 2-й,	Долихиан,
5. Юлиан 1-й,	10. Капитон,	Наркисс.

Но пропуск, случайно оказавшийся в «Церковной истории» Евсевия, восполняется из его же «Хроники», сохраненной и переработанной блаж. Иеронимом. Там после Капитона стоят: Максим 2-й и Антонин. Следовательно, никакого Габия среди иерусалимских епископов от Марка до Наркисса не было. Очевидно, что именем Габия Евтихий наделил какого-то другого епископа, по всей вероятности, созвучного Ганя. Но с именем Ганя в Иерусалиме было два епископа; само собой разумеется, что Евтихий Александрийский мог иметь в виду только Ганя 2-го. Но об этом Гани (Габии) Евтихий сам же дает сведения, что Габий был поставлен в иерусалимские епископы в 17-й год царствования Марка Аврелия (161—180 гг.) и что он занимал кафедру только три года. Это значит, что Габий (Ганий 2-й) епископствовал в Иерусалиме с 178 по 181 год[156]. Между тем Евсевий Кесарийский определенно пишет: «В десятом году царствования Коммода (180—192 гг.) преемником Елевферия, служившего епископом (в Риме) 13 лет, сделался Виктор. В том же году, по истечении десяти лет служения Юлиана, управление александрийскими церквами вверено было Димитрию»[157]. В настоящее время трудами целого ряда ученых уже точно установлено, что Виктор римский и Димитрий александрийский заняли свои кафедры в 189 году. Каким же образом Димитрий, сделавшийся епископом в 189 г., мог отправить послание к Габию (Ганию 2-му), умершему еще в 181 году? Эта несообразность дала в свое время Соллерию повод посмеяться над Евтихием, как заставляющим Димитрия «иметь письменные сношения с мертвецами». Но не только к Ганю иерусалимскому, а и к Максиму антиохийскому Димитрий тоже не мог писать. Правда, хронология антиохийских епископов до сих пор точно не установлена, но во всяком случае в 189 г. Максима 2-го (или Максимина) на антиохийской кафедре уже не было. По Евсевию, в конце II и начале III в. в Антиохии преемственно епископствовали следующие лица: Феофил, Максимин (Максим 2-й), Серапион и Асклипиад. Относительно св. Феофила имеются такие данные: а) по сообщению Евсевия, он был современником александрийского епископа Агриппина[158], время служения которого точно установлено: с июля 168 г. по

31 января 180 г.[159], и б) по сообщению самого Феофила, свое послание к Автолику «О вере христианской» он написал в год смерти императора Марка Аврелия («который царствовал 19 лет и 10 дней»), т. е. в 180 г.[160] Значит, кончина самого Феофила последовала уже в царствование Коммода, когда-то после 180 года. Но когда в 189 г. в Риме вступил на кафедру Виктор, а в Александрии — Димитрий, «тогда, — по словам Евсевия, — в церкви антиохийской знаменит еще был восьмой от апостолов епископ Серапион»[161]. Следовательно, в период от 180 до 189 г. в Антиохии умерли 2 епископа: Феофил и Максим второй (которого Евсевий называет также и Максимином). И если, по Евсевию, Серапион уже был епископом, когда состоялось избрание в Риме Виктора, а в Александрии — Димитрия, то, значит, смерть Максима 2-го и рукоположение самого Серапиона имели место раньше 189 года. Отсюда становится ясным, что и к Максиму антиохийскому Димитрий тоже не мог писать своего послания о христианской пасхалии. Очевидно, что речь патриарха Евтихия представляет собою весьма неудачное измышление, созданное на почве исторического сказания о бывших в церкви Христовой в 189—190 гг. пасхальных спорах. Обстоятельные и достоверные сведения об этих спорах дает тот же Евсевий Кесарийский, но он: 1) ничего не говорит о литературной деятельности Димитрия по вопросу о христианской пасхалии, и это потому, что таковой деятельности и не было; Димитрий просто, без всяких рассуждений, как это основательно доказано В. Болотовым, передал вопрос о пасхальных разногласиях на суд других церквей; 2) Евсевий по какой-то невыясненной причине совсем умалчивает об участии антиохийской церкви и ее епископа в пасхальных спорах; 3) говоря об участии палестинской церкви в этом споре, он сообщает, что созванный в то время в Палестине собор происходил «под председательством Феофила, епископа кесарийского, и Наркисса иерусалимского»[162], и наконец, 4) об этом Наркиссе он определенно пишет, что в то время, когда Виктор и Димитрий только что вступили на кафедры, «Наркисс продолжал свое служение в иерусалимской церкви»[163]; значит, епископство он получил значительно раньше 189 года.

Этот разбор сообщения Евтихия о литературных трудах Димитрия в области христианской пасхалии определяет истинную цену «Жемчужной цепи», на которую так опирается проф. П. Гидулянов. Чтобы иметь какие-либо достоверные сведения об александрийской церкви, для этого, прежде всего, нужно отказаться от Евтихиевой «Жемчужной цепи» и обратиться к другим более древним и более достоверным источникам.

Самым достоверным из древних писателей считается «отец церковной истории» Евсевий Кесарийский (260—340 гг.), который добросовестным образом работал по древним документам и который имел у себя точные и проверенные списки древних епископов важнейших кафедр, в том числе и александрийской. Добросовестность Евсевия в данном случае вне всяких подозрений, так как, например, имея у себя список древних иерусалимских епископов без хронологических дат, он не прибегает ни к каким догадкам и предположениям, а прямо заявляет: «Письменных памятников, в которых обозначалось бы время епископов иерусалимских, я нигде не нашел. Из письменных памятников я узнал только, что до осады иудеев при Адриане считалось пятнадцать преемственно следовавших епископов иерусалимской церкви».

А затем приводит и самый перечень этих епископов[164]. Что касается александрийских епископов, то о них он дает такие сведения: «в восьмом году правления Нерона, в александрийской церкви после апостола и евангелиста Марка вступил в чреду служения *Анниан,* муж боголюбезный и во всех отношениях достойный удивления»[165]. «На четвертом году царствования Домицианова, первый епископ александрийской церкви Анниан, проходивший свое служение двадцать два года, умер. Его преемником был второй епископ *Авилий»*[166]. «На первом году правления Траяна предстоятельство в александрийской церкви, после Авилия, епископствовавшего тринадцать лет, принял *Кердон,* — и это, считая от первого епископа Анниана, был там третий»[167]. «Около двенадцатого года царствования Траяна преставился епископ александрийской церкви, о котором мы недавно упоминали. Его служение там наследовал *Прим,* четвертый после апостолов»[168]. «В третий год царствования Адриана скончался епископ римский Александр.., около того же времени преставился и епископ александрийский Прим, на двенадцатом году предстоятельства. Его место занял *Иуст»*[169]. «В двенадцатый год царствования Адриана вместо Ксиста, бывшего епископом римским десять лет, принял Телесфор.., а спустя год и несколько месяцев жребий предстоятельства александрийской церкви, по смерти своего предшественника, занимавшего престол одиннадцать лет, получил *Евмен* и был шестым епископом»[170]. В Александрии после Евмена, бывшего там епископом всего тринадцать лет, поставлен пастырем *Марк.* По смерти же Марка, служившего десять лет, вступил в служение александрийской церкви *Келадион»*[171]. «В восьмом году царствования (Марка Аврелия)... в епархии александрийской вместо Келадиона, управлявшего четырнадцать лет, заступает *Агриппин»*[172]. «На первом году правления (Коммода), по прошествии двенадцатилетнего служения Агриппина, епископство над александрийскими церквами принял *Юлиан»*[173]. «В десятом году царствования Коммода.., по истечении десяти лет служения Юлиана, управление александрийскими церквами вверено было *Димитрию»*[174]. «Был десятый год царствования (Александра Севера), когда Ориген переселился из Александрии в Кесарию, оставив тамошнее Огласительное училище Ираклу. Немного после скончался и епископ александрийской церкви Димитрий, проходивший служение целых 43 года. Преемником его был *Иракл»*[175].

Эти и дальнейшие сведения, сообщенные Евсевием, при сопоставлении их с другими древними, преимущественно коптскими источниками, дали «величайшему из знатоков хронологии», проф. Альфреду фон Гутшмиду[176] возможность установить такую, более или менее верную, хронологию александрийских епископов:

Анниан (Анания)	61—82 г.	Марк	142—152 г.
Авилий (Мелиан)	83—95 »	Келадион	152—166 »
Кердон	96—106 »	Агриппин	166—178 »
Прим (Абримий)	106—118 »	Юлиан . . .	178—188 »
Иуст	118—129 »	Димитрий	188—230 »
Евмен	129—141 »	Иракл . . .	230—246 »

А нашему ученому В. Болотову[177] удалось еще более точным образом определить дни и года смерти этих епископов, напр.:

Келадион	† 3 июля 168 г.	Максим . .	† 9 апр. 282 г.
Агриппин	† 31 янв. 180 г.	Феона . .	† 28 дек. 300 г.

Юлиан . .	† 4 марта 189 г.	Петр . . .	† 26 нояб. 311 г.
Димитрий	† 10 окт. 231 г.	Ахилла	† 13 июня 313 г.
Иракл . .	† 5 дек. 247 г.	Александр	† 17 апр. 328 г.
Дионисий	† 9 марта 265 г.	Афанасий	† 2 мая 373 г.

Уже одна эта математическая точность приведенных дат показывает, что в отношении к вопросам из области египетской церковной истории нельзя пренебрегать теми источниками, которыми не воспользовался в свое время Евтихий и которыми его собственное сообщение нисколько не подтверждается. А эти источники, вопреки протестантским уверениям, нисколько не умаляют предшественников Димитрия перед этим мнимым творцом египетского епископата. Все александрийские епископы были одинаково единоличными и все они имели под собой епископов Египта, Фиваиды, Ливии и Пентаполя, хотя, разумеется, не в одинаковом количестве, так как число епископов постоянно возрастало, по мере распространения христианства.

§ 10. Епископские кафедры в Египте

Проф. А. Гарнак и его как немецкие, так и русские единомышленники и последователи стараются во что бы то ни стало доказать, что учрежденный Димитрием и развившийся уже после него египетский епископат сосредоточен был только в «главных городах» номов и отдельных дистриктов Египта, Ливии и Пентаполя. Но трудно говорить о «главном городе» нома, да и вообще о номах при невыясненности у древних как христианских, так и языческих (греко-римских) писателей самого понятия о номе. Ведь, мы имеем дело не с эпохой фараонов, а уже с христианским периодом египетской истории. Св. Епифаний Кипрский говорит: «Египтяне называют номом окрестности каждого города или сопредельную с ним область»; и еще: «словом ном по-египетски означается окрестность какого бы то ни было города»[178]. Подобным образом и св. Кирилл Александрийский (в толковании на 19 гл. Исаии) пишет: «У жителей египетской страны номом зовется всякий город, его окрестности и подчиненные ему деревни». Если каждый город есть уже центр нома, то о «главном» городе не может быть и речи. А затем нет точных известий и о том, сколько в Египте в III—IV вв. было номов. Древние греко-римские писатели определяют их неодинаково. Страбон (греческий географ I в., живший долгое время в Александрии) насчитывает их только 18, Плиний Старший — 25, а Клавдий Птолемей (александрийский астроном, геометр и физик II в.) — 27, именно:

1. Александрийский,
   Андрополит,
   Аравийский,
   Атрибит,
5. Бубастид,
   Бузирит,
   Илиополит,
   Кабазит,
   Ксоит,
10. Леонтополит,
    Летополит,
    Ливия,
    Мереот,
    Мармарика,
15. Мендезий,
    Менелаит,
    Метелит,
    Неут,
    Онуфит,

20. Просонит,
Саит,
Себеннит,
Сетроит,
Танит,
25. Фарбетит,
Фтемфуты и
Фтенот.

Но, очевидно, что у названных писателей I—II вв. понятие о египетском номе было совсем не то, что у Епифания и Кирилла. Номы Страбона, Плиния и Птолемея обнимают, видимо, обширные пространства и включают в свой состав целый ряд городов. Такие номы могли, конечно, иметь и главные города. Но в таком случае на весь Египет было бы не более 27 епископов. Очевидно, что количество египетских номов, указанное Птолемеем, не соответствует действительности, и Епифаний с Кириллом в своих определениях нома ближе к историко-географической действительности, чем греко-римские языческие писатели. Но и Епифаний с Кириллом едва ли точны, так как против них говорит исследование известного немецкого египтолога Дюмихена, который утверждает, что некоторые местности, входившие географически в состав номов, временно образовывали самостоятельные (автономные) дистрикты. Таковых в Нижнем Египте было 15, в Верхнем — 17. Из них известны, напр.:

1. Антипирг,
Барка,
Вереника,
Гермонтис,
5. Гермополь Малый,
Нилополь,
Паретоний,
Пелузий,
Птолемаида (Пентап.) и
10. Тевхира (Арсинос).

Это существование отдельных автономных дистриктов (районов) с тем или иным городом во главе побуждает думать, что и Епифаний с Кириллом дают не вполне точное понятие о египетском номе. Такая невыясненность понятия нома и отсутствие точного определения количества номов весьма затрудняют и речь о египетских епископах. Кроме того, относительно деления Египта на номы и неопределенности этого деления нужно заметить, что в эпоху римского владычества это деление было не государственным, а только народно-торговым и являлось пережитком более древней эпохи фараонов. Правительственное деление Египта было иное. Еще со времен Птолемеев (306—221 гг. до Р. Хр.) он делился на три епистратегии: Нижний Египет, или Дельту, Средний Египет, или Гентаномию, и Верхний Египет, или Фиваиду. В начале же византийского периода, уже в V в. он был разделен на 9 провинций:

1. Египет 1-й,
Египет 2-й,
Августамника 1-я,
Августамника 2-я,
5. Аркадия,
Фиваида 1-я,
Фиваида 2-я,
Ливия — Пентаполь и
9. Ливия — Мармарика.

Географическое положение этих провинций было такое: Египет 1-й, во главе с городом Александрией, лежал в северо-западной части нильской Дельты и вне последней, занимая пустынные пространства к югу от озера Мареот до Нитрийской горы. Египет 2-й, с главным городом Кабазой (ныне не существующим), занимал болотистые про-

странства при устьях Нила, между Розеттским и Буколическим (ныне Дамьеттским) рукавами; северная оконечность его приходилась там, где воды Нила, образуя Бурлосское озеро (Бурлос — древний Парал), выходят в море Себеннитским устьем. Августамника 2-я лежала по обе стороны Суэцкого перешейка; ее главным городом был Пелузий (с. ш. 31°10′, в. д. Гр. 32°22′), лежавший к востоку от нынешнего Суэцкого канала; западной границей ее служил Буколический (Дамьеттский) рукав Нила, разливающийся в озеро Менсалех, несущее нильские воды в Средиземное море несколькими устьями — Дамьеттским, Мендезитским и др. К юго-западу от этого озера стоял город Тмуис (с. ш. 31°4′, в. д. Гр. 31°22′). Августамника 2-я служила продолжением первой и занимала юго-восточную часть нильской Дельты; главным городом ее служил Леонтополь (ныне развалины близ аль-Менгале). В пределах этой провинции находились Илиополь с еврейским храмом и Вавилон, откуда ап. Петр писал свое Первое послание. Оба города лежали к северу от нынешнего Каира не далее 8 верст. Аркадия, названная в честь императора Аркадия († 408), лежала к югу от Дельты по обе стороны Нила, простираясь к востоку до Суэцкого залива; главным городом здесь был Оксиринх (у коптов Пемдже); в пределы Аркадии входил и Мемфис; самым восточным городом здесь была Клизма, стоявшая чуть севернее нынешнего Суэца. Фиваида 1-я лежала к югу от Аркадии; ее главным городом считалась Антиноя; самым южным городом здесь был Панополь (с. ш. 26°34′, в. д. Гр. 31°44′). Фиваида 2-я заканчивала собою на юге земли, входившие в состав Египта; главным городом здесь была Птолемаида, по-коптски Псои (с. ш. 26°26′, в. д. Гр. 31°45′), лежавшая к югу от Панополя не более, как в 12 верстах; в этой же провинции находились и знаменитые Фивы, переименованные греками в Диосполь Великий; самым южным пределом Фиваиды был нильский остров Филэ (с. ш. 23°40′, в. д. Гр. 33°4′) близ тропика Рака. Ливия — Мармарика занимала обширные пространства к западу от 1-го Египта по берегу Средиземного моря и в глубь пустыни, где находилась Аммониака, т. е. роскошный оазис Сивах. Главным и вместе с тем наиболее удаленным от Александрии (более 650 верст) городом в Ливии — Мармарике был Дарнис, ныне Дерна (с. ш. 32°46′, в. д. Гр. 22°34′). Ливия — Пентаполь лежала западнее Мармарики и начиналась сразу за городом Дарнисом. Пентаполь (Пятиградие) ранее именовался Киринаикой, а ныне зовется Баркой. Город Кирина (родина евангелиста Марка) лежал не далее 75 верст к западу от Дарниса. Главным городом Пентаполя сначала была Созуса (Аполлония), а потом Птолемаида (ныне развалины Толмета). Крайним пределом Пентаполя служила Вероника (ныне Бенгази). Каждая из перечисленных провинций включала в себя целый ряд египетских номов.

Так как ном есть явление исключительно египетское и во времена греко-римского владычества был остатком от эпохи фараонов, то для составления более или менее правильного представления о количестве египетских номов нужно и обратиться к исследованиям в области истории и географии древнего Египта, составленным по памятникам дохристианской древности. В данном случае являются весьма ценными труды известного немецкого египтолога Генриха Бругша († 1894). Руководясь его исследованиями[179], мы можем дать следующую таблицу древнеегипетских номов эпохи фараонов, сделав предварительно небольшое пояснение к ней. Слово «ном» — греческое (номос) и значит

I. ПАТОРИС, или ЮЖНЫЙ ЕГИПЕТ

№№	ХЕСПУ, или НОМЫ		ГЛАВНЫЕ и ПРОЧИЕ ГОРОДА		
	Египетск. названия	Греко-римск. названия	Египетск. названия	Греко-римск. названия	Позднейшие названия
1	Та-Хонт	Омбит	Аб Суан Ни-Нуб	Элефантина Сиена Омбос	Ассуан
2	Тес-Гор	Аполлинополит	Теб	Аполлинополь Вел.	Эдфу
3	Тен	Латополит	Хебен	Илифиаполь Гераконполь Латополь	Аль-Как Эсне
4	Ус	Фатирит и Гермонтис	Ни-Амон	Фивы, Диосполь	Карнак
5	Кобти	Контит	Кобти	Копт	Кефт
6	Там	Тентирит	Тантарер	Тентира	Дендера
7	Со-Хем	Диосполит	Га	Диосполь Мал.	
8	Абту	Тинит	Абту	Абид	Арабад-аль-Мадфуне
9	Со-хем	Панополит	Апу Хеммис	Панополь	Аль-Ахмим Ахмин
10	Уот	Афродитополит	Дебу	Афродитополь Атрибис Птолемаида Гермин	Идфу
11	Сема	Гиселит	Шас Готеп	Гиселе	Сот
12	Туф	Антеополит	Ни-энт-бак	Антеополь	Кау-аль-Кебир
13	Хосф-Хент	Ликополит 1	Саут	Ликополь	Сиут
14	Хесф-пеху	Ликополит 2	Кос	Аполлинаполь Мал.	Кусиех
15	Он	Гермополит	Химуну	Гермополь Вел. Филака	Ашмунайн
16	Ма-х	Антиноит	Хи-бону	Антиноя-Адрианоп. Гипонон	
17	Ануну	Кинополит	Ка-за	Кинополь	Самалут
18	Себ	(Антиноит)	Ха-Сутен	Алебастрополь	
19	Усеб	Оксиринхит	Пимаза	Оксиринх	Бех-маза
20	Ам-хонт	Праклеополит	Хинензу	Праклеополь Вел.	Ахнас
21	Ам-пеху		Смен-Гор	Птолемаида	Меншиэ
22	Теп-ахе	Афродитополит		Афродитополь	Атфи
23	Та-ше	Арсиноит		Арсиное	Файюм

II. ПАТОМХИТ, или СЕВЕРНЫЙ ЕГИПЕТ

№№	ХЕСПУ, или НОМЫ		ГЛАВНЫЕ и ПРОЧИЕ ГОРОДА		
	Египетск. названия	Греко-римск. названия	Египетск. названия	Греко-римские названия	Позднейшие названия
1	Анбу-хут	Мемфит	Мен-нофер Ту-ро	Мемфис Троя	
2	Аа	Летополит	Сохем	Летополь	Ауаим
3	Амент	Ливия	Ни-ент-хапи Мери	Апис Мареа	
4	Сепи-рис	Александрийск.	Ракоте Цох-а	Александрия Канон	
5	Сепи-емхит	Саит	Са	Саис	Сан-аль-хаггар
6	Ка-сит	Ксоит	Хезуу	Ксоис	
7	Аменти	Метелит	Септи-Нофер	Метелис	
8	Абот	Сетроит	Тхукот	Сетрое	
9	Аси	Бузирит	Пи-узир	Бузирис	Абусир
10	Ка-кем	Атрибит	Ха-та-хир-аб	Атрибис	Тель-Атрис
11	Ка-хебес	Кабазит		Кабаза	
12	Катеб	Себеннит	Теб-нутер	Себеннит	Самаиуд
13	Уак-ат	Илиополит	Ану (Он) Пи-хапи Херау	Илиополь Нилополь Вавилон	Матарие Масру-аль-атика
14	Хонт-Абот	Танит	Цоан	Танис	Сан
15	Тут	Гермополит	Пи-Тут	Гермополь Мал.	
16	Хар	Мендезий	Пи-Би-неб-дад	Мендес	Тмай-аль-Амдид
17	Самхут	Диосполит	Пи-ху-ен-Ам-мон	Диосполь Мал.	Менуале
18	Амхонт	Бубастит	Пи-Баст	Бубаст	
19	Ам-пеху	Бутик	Уто	Бутос	
20	Саит	Аравия	Косем	Факусса	Фагус

«округ». Сами египтяне на своем древнем языке называли номы словами: тешь, сеп и хесеп (множ. число хеспу). Счет своим хеспу, или номам, древние египтяне вели с крайнего юга, разделяя весь Египет (Кеми) на две части: Паторис (верхний, южный Египет) и Патомхит (нижний, северный Египет) (см. табл. на с. 69—70).

Итак, в эпоху фараонов во всем Египте было 43 нома. Но во времена римского владычества это число, по-видимому, изменилось, так как в северном Египте встречаем еще несколько новых номов, именно:

1. Андрополит, к западу от Аа (Летополита),
2. Герополит, к востоку от Анбу-хут (Мемфита) с гор. Тент-Лим (Герополь),
3. Леонтополит, близ нома Хар, с г. Леонтополем,

4. Нитрит, к западу от Аа,
5. Просопит, в той же местности,
6. Фарбетит, выделен из нома Сант, с городом Сетен (Фарбет),
7. Фрагрориополит, смежен с номом Амхонт (Бубастит) с гор. Пакрор (Фрагрориополь) и
8. Фтемфуты, к западу от Аа (Летополита).

Возникновение этих новых номов при римлянах вызывалось гражданским уравнением данных местностей с древнеегипетскими хеспу, или номами. Местности эти были заселены народностями не египетского происхождения и потому при фараонах не имели права на включение их в состав хеспу, а назывались просто «землями», напр., земля Хонт-Тешер (Герооиполит), земля Сохет-Хемам (Нитрит) и т. д.

Таким образом, при римлянах, т. е. уже в христианскую эпоху, всех номов как древних, так и вновь образованных было 51. Кроме того, по Дюмихену, было еще 32 автономных дистрикта, выделенных из этих же номов. Поэтому, если бы епископы были только в главных городах номов и дистриктов, то всех епископских кафедр в Египте было бы только 83. Между тем, на самом деле уже в начале IV в. египетских епископов было свыше ста человек. Значит, Египет имел тогда не менее двадцати епископов, кафедры коих находились в ничтожных городках и даже селах.

Где именно находились кафедры египетских епископов, было бы очень легко определить и составить точные списки их, если бы мы имели полные подписи епископов под актами и посланиями древних соборов. К сожалению, на самом деле таких подписей нигде нет. Сохранилось, например, послание поместного Александрийского собора по делу Ария. Из послания явствует, что на соборе вместе с Александром участвовали и предали Ария анафеме «епископы Египта и Ливии в числе близ ста»[180]. Но подписей этих египетских обличителей Ария историки нам не сохранили. Мы имеем также послание другого Александрийского собора, созывавшегося в 340 году. На нем присутствовало «почти сто епископов из Египта, Фиваиды, Ливии и Пентаполя»[181]. Но подписей епископских и под этим посланием не сохранилось. В 343 г. состоялся поместный[182] Сардикийский (Сердикский) собор, под председательством Осии [Осия], епископа кордубского. Сохранившееся послание этого собора в защиту св. Афанасия Великого было подписано, между прочим, и египетскими епископами в числе 94. Подписи эти сохранились, но в виде перечисления одних лишь голых имен епископов, без указания тех кафедр, какие эти епископы занимали, так что для топографических целей этот список епископов совершенно бесполезен. При таком отсутствии названий епископских кафедр под наиболее древними посланиями соборов и даже при именных епископских подписях, для составления точных списков египетских кафедр ученым исследователям приходилось обращаться, как к потребным материалам, к трудам древних церковных историков, к многочисленным житиям святых, к отеческим творениям, к деяниям позднейших соборов и т. д. Таким путем воспроизведены были списки епископских кафедр в Египте известным английским ученым начала XVIII в. Иосифом Бингамом († 1723)[183]. Позднее был открыт список всех древнехристианских, в том числе и египетских, кафедр, составленный в IX веке и известный под именем «Сведений (Notitiae) Льва Мудрого и Фотия о епископах»[184]. Таким образом, в настоящее время мы имеем два об-

стоятельных списка епископских кафедр в древнем Египте, хотя эти списки не во всем согласны между собою. Мы представим здесь оба списка в виде сравнительной таблицы.

ЕГИПЕТСКИЕ КАФЕДРЫ

По Льву и Фотию	По Бингаму
Египет 1	
1. Александрия,	1. Александрия,
Гермополь,	Гермополь Малый,
Милей,	Метелис
Кост,	Коприфис,
Псанейское село,	Саис,
Копридское село,	Лет (Латополь),
Саис,	Навкратия,
Леонтополь,	Андромена (Андрополь)
Навкратия,	Никий
10. Андроникий,	10. Онуфис,
Зинонополь,	Тава,
Пафна,	Клеопатрида,
Онуфис,	Мареот,
Саве,	Схедия и Менелант,
Клеопатрида,	Фтенеег (Фтеноты),
Мареот,	16. Нитрия.
Манелитон,	
Схедия,	
Тернуф,	
20. Сондра.	
Августамника 1	
1. Пелузий,	1. Пелузий,
Сетроит,	Гераклея,
Таинс,	Таинс,
Тмуис,	Ринокорура,
Ринокорура,	Тмуис,
Остракина,	Остракина,
Пентасхин,	Факуза,
Кассий,	Кассий,
Афтей,	Афней (Дафи),
10. Гефест,	10. Гефест,
Панефус,	Панефис,
Гер,	Герр (Гер),
Итагер.	Тенис,
14. Тенис.	14. Села.
Августамника 2	
1. Леонто,	1. Леонтополь,
Атрикис,	Атрибис,
Илиус,	Оний (Илий),
Бубаст,	Вавилон,
5. Карбет,	Бубаст,
Анабиус.	Фарбет,
	Илиополь,
	Шатры пустынников,
	Тоу,
	10. Антитоу.
Египет 2	
1. Кабаза,	1. Кабаза,
Фрагона,	Фрагонея,
Пахневмон,	Пахневмон,
Диосполь,	Элеархия,

Себеннит,
Кино,
Бузирис,
Элеархия,
Регеон
10. Парал,
Париана село,
Кима,
Рихомирий,
14. Ксоес.

Диосполь,
Себеннит,
Кин (Кинополь Нижний),
Бузирис,
Парал,
10. Ксоес,
Бут.

Аркадия

1. Оксиринх,
Ираклея,
Нилополь,
Арсинонт,
Феодосиополь,
Афродитон,
Мемфилит,
Семь рукавов Нила,
Александрия,
10. Колинтен,
Агны,
Паналлы,
Пасмат,
Таимата,
15. Тенеса.

1. Оксиринх,
Ираклея Верхняя,
Арсиное,
Феодосиополь,
Афродитополь,
Мемфис,
Клизма,
Нилополь,
Паралл,
10. Тамиата,
Кинополь Верхний.

Фиваида 1

1. Антиноя,
Гермополь,
Феодосиополь,
Кас,
Лико,
Гипселе,
Аполлоний,
Антэй,
9. Пан.

1. Антиноя,
Гермополь Великий,
Куза,
Ликополь,
Большой оазис,
Гипселе,
Аполлоний,
Антэй,
9. Панополь.

Фиваида 2

1. Птолемаида,
Конто (Юстинианополь),
Диоклитианополь,
Диосполь,
Тентира,
Максионополь,
Фиваида,
Лето,
Ямбон,
10. Гермонтис,
Аполлон,
Анасс село,
Матонт,
Тримутон,
15. Гермон.

1. Птолемаида,
Тис (Тинис),
Копт,
Тентира,
Максимианополь,
Латополь,
Гермет (Гермонт),
Диосполь
(Фиваида Вел.),
Теренуит,
10. Филэ,
Тон,
Омбы,
Татирис,
14. Диосполь Малый.

Ливия — Пентаполь

1. Созуса,
Кирина,
Птолемаида,
Тевхира,
Адриана,
6. Вероника.

1. Птолемаида,
Созуса,
Лемаид,
Кирина,
Тевхира,
Вереника,

Тицелия (Пизила),
Святилище Аптуха,
Эрифра,
10. Барка,
Гидракс,
Дистис,
Палебиска,
14. Олвия.

Триполи

1. Севон,
Лептид,
3. Гион.

Ливия — Мармарика

1. Драннеон,
Паратоний,
Транзал,
Аммониака,
Антипирг,
Антифр,
Сдония,
8. Мармарика.

1. Дарнис,
Паретоний,
Антипирг,
Антифра,
Мармарика,
6. Загил (Загила).

Итак, список Льва и Фотия исчисляет 110 египетских кафедр. Список этот составлен был в IX в., но он говорит о кафедрах не в IX в., а о более древних, так как в эпоху Льва и Фотия Египет в политическом отношении был уже оторван от Византии и принадлежал арабам, а в церковно-религиозном отношении он весь почти был монофизитским. Указываемые в этом списке кафедры православных епископов существовали в V—VI вв. и даже раньше. Список Бингама дает нам 105 кафедр, существовавших в IV—VI столетиях. Но разница между тем и другим списком заключается в действительности совсем не в пяти кафедрах. При сопоставлении обоих списков видится, что общих кафедр, о коих говорят оба списка, всего лишь 77 и то лишь в том случае, если мы будем отождествлять Копридское село с Коприфисом, Карбет с Фарбетом, Мемфис с Мемфилитом, Летос с Латополем, Драннеон с Дарнисом и т. д. Сверх этих 77 кафедр, Лев и Фотий перечисляют 33 такие кафедры, которых нет в списке Бингама, а последний говорит о 28 таких кафедрах, о которых умалчивают «Сведения (Notitiae) Льва и Фотия». А это значит, что оба списка дают нам сведения не о 110, а о 138 египетских епархиях. Это же самое различие между списками показывает, что ни тот, ни другой из них не дает нам полных, исчерпывающих сведений о количестве египетских епархий. Поэтому смело можно утверждать, что в V в. число епископских кафедр в Египте простиралось за 138 и доходило, быть может, до 150. В приведенных списках нет целого ряда городов, которые служили центрами номов (напр., Элефантина, Мендес, Метелис, Апис, Алебастронполь и т. д.). Но едва ли можно допустить, чтобы в V—VI вв., при широком распространении повсюду христианства, эти города оставались без христиан и без епископов.

Итак, в V в., когда христианская религия была уже господствующей в греко-римской империи, Египет имел от 138 до 150 епископских кафедр. Но собственно в этот-то период торжества христианства епископских кафедр в Египте возникло очень не много. Все более или менее значительные там по количеству населения пункты имели епископов

уже издавна. Мы знаем, что еще в первой четверти IV в. при епископе Александре на поместном Александрийском соборе присутствовало около ста египетских епископов. А сколько именно в первой половине IV в. было всех епископских кафедр в Египте, это можно усматривать из сохранившихся до нашего времени списков епископских имен той эпохи. Уже за первую треть святительства Афанасия Великого, т. е. до вступления его на кафедру (328 г.) до Сардикийского (Сердикского) собора (343 г.), мы имеем столько епископских имен, сколько не дала нам никакая другая эпоха. Св. Афанасий Великий сохранил нам два полных списка египетских епископов: а) участвовавших в поездке вместе с ним в Тир в 335 г. и б) подписавших послание Сардикийского собора 343 г., составленное в его защиту[185]; кроме того, он сделал упоминания и еще о некоторых современных ему египетских епископах. В поездке в Тир участвовало 47 епископов; под посланием Сардикийского собора их подписалось 94. Ввиду того, что некоторые епископы выступают и в Тире в 335 г. и в послании Сардикийского собора от 343 г., мы всех епископов эпохи Афанасия разделим на четыре группы, именно: 1) епископы, выступающие в 335 и 343 годах, 2) епископы, выступающие только в 335 г., 3) епископы, выступающие только в 343 г. и 4) епископы, упоминаемые св. Афанасием особо, а также встречающиеся и в других источниках.

ГРУППА ПЕРВАЯ (335 и 343 гг.):

1. Агафаммон[186],
Аполлоний[187],
Аполлос[188],
Ариократион[189],
5. Афас,
Ганй[190],
Диоскор[191],
Иракламмон,
Ираклид[192],
10. Ираклид,
Пафнутий[193],
Пист,
Псай[194],
Сарапаммон[195],
15. Тимофей[196],
Феодор[197],
Феодор,
Феона,
Филипп[198] и
20. Элурион[199].

ГРУППА ВТОРАЯ (335 г.):

1. Адамантий[200],
Аммон,
Анувион,
Арвефион[201],
5. Аристон[202],
Аристон,
Артемидор,
Властаммон,
Иаков,
10. Иринней,
Исхир,
Исхирион[203],
Кроний,
Макарий,
15. Моисей,
Муис,
Никон,
Нонн,
Оптат,
20. Паммуфий,
Пелагий,
Петр,
Потамон[204],
Саприон,
25. Таврин,
Тирани[205] и
Финеес.

ГРУППА ТРЕТЬЯ (343 г.):

1. Акила,
Амантий,
Аммониан,
Аммоний[206],
5. Аммоний[207],
Анагамф[208],
Андрагафий,
Андрей[209],
25. Евагор,
Евдемон,
Ермий[212],
Иеракс,
Илия,
30. Илия,
Андроник,
10. Лот,
Аполлодор,
Аполлоний[210],
Аполлоний,
Аполлоний,
15. Аиф,
Аравион,
Македоний,
Муий[213],
Мусей,
45. Немесион,
Нил,
Ниламон[214],
Арий,
Арион,
Арсений,
20. Вастамон,
Ганй[211],
Геронтий,
Датилл,
Диоскор,
Саранион[220],
60. Семпроннан,
Серин,
Серин,
Сир,
Тиверин,

Илия,
Праклий,
Прон,
Исаия,
35. Исак,
Исхираммон,
Квинт,
Консортий,
Ксенон,
40. Леонид,
Ливуриий,
Орион [215],
Павел [216],
50. Павел,
Пашнуфий,
Пасофий,
Пафнутий [217],
Пафнутий,
55. Пеносирис [218],
Ромил,
Руф,
Сарапион [219],
Тимофей,
Тифой,
Феликс,
Филон [221],
Филон [222],
70. Филотас,
Флавиан,
Фортунатиан,
Фортунатий,
Юлий.

ГРУППА ЧЕТВЕРТАЯ:

1. Агаиий [223],
Агафон [224],
Агафодемон [225],
Адельфий [226],
5. Аммоний [227],
Аполлон [228],
Афинодор [229],
Драконтий [230],
Евлогий [231],
10. Ереиий [232],
Зоил [233],
Марк [234],
Марк [235],
Мина [236],
15. Мовит [237],
Плиний [238],
Плуспан [239],
Флавий [240].

Итак, в означенных четырех группах мы имели 139 епископских имен. Конечно, эти 139 епископов не все служили в Египте одновременно: очень возможно, что в списке путешествовавших в Тир («группа вторая») есть имена таких епископов, кои ко времени Сардикийского (Сердикского) собора уже скончались, и в списке подписавшихся под Сардикийским посланием («группа третья») их имена заменены именами епископов, преемствовавших им по кафедре. Но так как от дней Тирского собора (335) до дней собора Сардикийского (343) прошло только восемь лет, то в такой короткий период скончалось в Египте, конечно, немного епископов. Подтверждение этому можно находить в заявлении отцов Александрийского поместного собора 340 г., коих было «почти сто» человек, об участии почти всех их в избрании в 328 г. св. Афанасия. Значит, даже в 12-летний период от 328 до 340 г. личный состав египетского епископата мало изменился, тем менее мог измениться он в восьмилетний период с 335 до 343 года. Единственной причиной изменения личного состава в древнеегипетском епископате была только смерть епископов. Перемещения с кафедры на кафедру в пределах Египта, а тем более переход на службу в иную автокефальную церковь (напр., палестинскую или карфагенскую) в древности были совершенно невозможны. Раз поставленный в известную епархию, епископ оставался на ней до конца дней своих. Потому-то св. Афанасий и говорит так часто о «престарелых» епископах, «состарившихся в клире», получивших рукоположение еще при Александре, Ахилле и даже священномученике Петре. Если допустим, что в течение восьми лет от 335 до 343 г. в Египте скончалось приблизительно 15—20 епископов, то нужно будет признать, что в дни Афанасия епископских кафедр было в Египте до 120. Это тем более вероятно, что под Сардикийским посланием имели возможность подписаться, конечно, не все наличные египетские епископы, а в Тир путешествовала только некоторая часть их.

Итак, уже во времена Афанасия Великого в Египте было до 120 епископских кафедр; при Александре их было немногим меньше. Когда же количество епископских кафедр было доведено в Египте до такого количества, как «сто»? Конечно, не при Александре: при нем они уже существуют. Не при Ахилле: он епископствовал только несколько ме-

сяцев. И не при св. Петре, когда свирепствовали Диоклетиан и Максимин, когда многие епископы подверглись мучениям, а сам Петр счел за благо даже выехать на время из Египта. Очевидно, что сто епископских кафедр IV век унаследовал от III века. А если так, то болландист Соллерий очень близок к истине, когда говорит: «Дионисий, преемник Иракла, упоминает о разных епископах и с разными ведет переписку; поэтому весьма правдоподобно, что тогда существовало кафедр не меньше, чем было их в патриаршество Александра»[241]. Степень этого правдоподобия значительно возвысится, если мы примем во внимание, что при современнике Дионисия, римском епископе Корнилии, как мы видели, в Италии было тоже не меньше ста епископских кафедр. Эта многочисленность епископских кафедр в Египте в III веке самым решительным образом говорит против измышлений А. Гарнака, П. Гидулянова и других новейших ученых, будто египетский епископат, возникший в последние годы жизни александрийского епископа Димитрия, создан был им для борьбы с «могущественным» пресвитератом и распространялся в III—IV вв. только по главным городам номов и отдельных дистриктов. Ни у одного из древнехристианских писателей никогда и намека не было о какой-либо борьбе египетских пресвитеров с александрийскими епископами. Епископат нужен был для распространения и утверждения христианства среди египетского населения. Как и в каком географическом направлении распространялось христианство по Египту в послеапостольскую эпоху, определенных сведений об этом мы не имеем. Конечно, прежде всего оно стало распространяться и укрепляться в местностях, ближайших к Александрии: в конце I в. в ее окрестностях было уже несколько епископов, как это видно из сообщаемого Севиром ашмунайнским древнего коптского сказания о кончине Авилия и поставлении Кердона (в 95—96 г.). Трудами этих епископов христианство шло далее вверх по Нилу. В начале III в. (около 210 г.) мы видим христиан в Антиное, городе, отстоящем от Александрии в 370 верстах; но христианство здесь было тогда уже не первый год. Возможно, что оно проникло туда со времени самого основания города в 130 г., несмотря на все меры правительства к утверждению и процветанию здесь язычества. По сообщению церковного писателя II в. Егезиппа (Игизиппа), цезарь Адриан, по смерти своего «любимого невольника» Антиноя, «выстроил даже соименный Антиною город и назначил в нем пророков», т. е. по-видимому, учредил там оракул с целым штатом гадателей и прорицателей[242]. Что христианство распространилось по Египту трудами преимущественно епископов, это свидетельствуется и св. Афанасием, который даже епископам IV в., поставленным из монахов, вменяет в заслугу именно обращение ими язычников. «Сколь многих, — говорит он, — отвратили они от идолов! Сколь многих убедили отстать от сего демонского обычая! Скольких рабов представили Господу!»[243]. Существуя от дней апостолов, епископат постепенно продвигался в глубь Египта по мере распространения там самого христианства. А так как христианство распространялось не обязательно только по главным городам номов и дистриктов и не в силу административных распоряжений правительства (языческого!), а было делом свободного убеждения и доброй совести людей, то оно могло начаться в том или ином номе не с городов, а иногда и с простых, небольших сел. Первохристианская эпоха тем и отличалась от всех последующих веков, что в то время церковь ни в какой связи с

государственной властью не стояла и епископы свое служение проходили не там, где на то было соизволение правительства, а там, где были христиане. Поэтому, как последние находились не только в городах, но и селах, так и епископы были безразлично там и здесь.

Сельские епископы в древнее время были во всех странах. Такой порядок установился еще со времен апостольских, как это видно из слов апостольского ученика и современника св. Климента Римского: «Проповедуя по городам и селам, апостолы поставляли первенцев их, по испытании духом, епископами и диаконами»[244]. Известный нам (гл. II, § 4) обличитель монтанизма, «сопресвитер Аверкия Маркелла» (иерапольского), упоминает о епископах Зотике команском и Юлиане анамейском, как боровшихся в половине II в. с катафригийской лжепророчицей Максимиллой[245]. Но Комана была фригийская деревня, а не город: в лице Зотика мы, следовательно, встречаем пример сельского епископа II века. Во время пасхальных споров в 189—190 гг. ефесский епископ Поликрат писал епископу римскому Виктору: «Я мог бы упомянуть и о соприсутствующих мне епископах, которые созваны мною по вашему совету, но если бы написать их поименно, то имен оказалось бы великое множество»[246]. Поликрат, конечно, не преувеличивал: это «великое множество» епископов, составивших Ефесский собор 189—190 г., могло образоваться только в силу участия на соборе сельских епископов. О сельских епископах говорит в своем послании и Антиохийский собор 269 г., низложивший тамошнего епископа, известного Павла самосатского. Из послания видно, что «епископы селений», а равно и некоторых городов заигрывали перед Павлом самосатским и льстили ему, за что он «позволял им беседовать к народу» в самой Антиохии, конечно, в духе его лжеучения[247]. Сельские епископы были и в Египте. Самое достоверное известие об этом мы получаем из «Сведений (Notitiae) Льва Мудрого и Фотия о епископах». Там определенно указывается, что епископские кафедры находились не только в городах, но и в селах: Псанейском, Копридском, Парпане и Анассе. Но едва ли только эти четыре села были резиденциями епископов.

Голая и сухая номенклатура приведенных выше епископов как Льва и Фотия, так и Бингама ровно ничего не говорит о том, насколько значительным или, наоборот, насколько ничтожным по количеству населения был тот пункт, где находилась кафедра того или иного епископа и что представлял собою этот пункт — город ли или село. Но нужно думать, что в эти списки внесено немало сел или таких жалких городков, которые были не лучше села. Что такое Саве, Сондра, Кима, Сдония и т. п.? По всей вероятности, простые села.

Относительно времени учреждения епископских кафедр в египетских селах определенных сведений нет. Известно, что сельский епископат продолжал существовать в христианских странах и в IV в. и даже в V в. О сельских епископах неоднократно говорят, например, соборы IV в. — Сардикийский (Сердикский), Лаодикийский и др. В правилах Карфагенского собора 419 г. упоминание о Крескони, епископе Рекенского села (прав. 59), и о Постуметиане, который был тоже, повидимому, сельским епископом, так как под его управлением находился всего лишь один пресвитер (прав. 66). В деяниях Халкидонского собора читаем, напр., такую жалобу некоего Васиана: «С юношеского возраста я жил для бедных. Я устроил страннопримный дом, поста-

вил в нем 70 кроватей и радушно принимал всех больных и увечных. Но Мемнон, епископ Ефесский, завидуя этому, потому что я был любим всеми, сделал всё, чтобы выгнать меня из города. Он насильственно посвятил меня в епископы ничтожного селения»[248]. Но со второй четверти V в. сельских епископов становилось всё меньше и меньше. Во времена же Эрмия Созомена, писавшего свою «Церковную историю» после 443 г., сельские епископы по его наблюдению оставались только «у аравлян и кипрян»[249]. Руководясь этим сообщением древнего церковного историка, нужно думать, что сельские кафедры, поименованные в списке Льва и Фотия, существовали в Египте не в V—VI в., а в более ранние времена, еще в доникейскую эпоху. Косвенное указание на существование сельских епископов в Египте той (доникейской) эпохи мы находим в словах св. Афанасия Великого о Мареоте. «Мареот, — говорит он, — есть место подведомственное Александрии; в этом месте никогда не было ни епископа, ни хорепископа; напротив того, церкви оного подчинены епископу Александрии»[250]. Ясно, что Мареотский ном был в Египте исключением; он не представлял собою отдельной епархиальной единицы, а входил в состав парикии самого Александрийского папы. Отсюда следует, что те номы, которые в церковном отношении представляли собою отдельные епархии, имели у себя как епископов, так и хорепископов.

Вопрос о хорепископах нами был уже исследован (гл. 5, § 5), и нами были установлены следующие положения: 1) древний хорепископ (например, времени св. Афанасия Александрийского), по своей иерархической степени, был таким же епископом, как епископы (папы) Рима, Александрии, Иерусалима, Антиохии и др. городов; 2) вся разница между хорепископом и епископом заключалась только в их местожительстве: первый жил в селе, второй в городе; 3) слово «хорепископ» возникло в конце III в., после Антиохийского собора 269 г., незадолго до Диоклетианова гонения; 4) сначала оно было вульгарным и пренебрежительным прозвищем, придуманным для сельских епископов городскими епископами, ставившими себя в привилегированное положение и стремившимися подчинить себе сельский епископат; 5) в официальный язык церкви это слово впервые было внесено виталиевскими соборами в Ан-Кире и Неокесарии 314—315 гг.; 6) однако оно не вытеснило и не заменило собой древнего наименования сельских предстоятелей «епископами», а только послужило к унижению сельского епископата пред городским; 7) вследствие этого, после виталиевских соборов, епископы селений, в отличие от епископов городских, именуются или хорепископами, или епископами, но почти всегда с добавлением «сельские»; 8) путем постепенного ограничения сельских епископов в правах, а затем и систематического сокращения их кафедр, в целях возвышения архиерейского достоинства, сельский епископат к концу V в. прекращает свое существование; 9) а искусственно придуманный, пренебрежительный титул «хорепископа» переходит к пресвитерам, занявшим места, ранее принадлежавшие сельским епископам; 10) с течением времени первоначальный смысл слова «хорепископ» был настолько забыт, что этот титул стал даваться уже не сельским, а городским заслуженным пресвитерам; 11) по сохранившимся от XIV в. греческим Евхологионам, поставление в хорепископы в то время в одних епархиях совершалось пред литургией на часах, а в других — во время литургии на малом входе.

Из этих установленных нами положений ясно усматривается, что св. Афанасий своим упоминанием о хорепископах дает нам определенное свидетельство о существовании в Египте сельских епископов, ибо в эпоху св. Афанасия хорепископ был именно епископом, имевшим свою кафедру не в городе, а в селе. Значит, сельский епископат существовал в Египте как в эпоху св. Афанасия, так и в предшествовавшее время, т. е. в III веке и даже еще раньше. А это обстоятельство само собою показывает, что возникновение епископских кафедр в Египте стояло в зависимости от духовных нужд христианского населения и постепенного продвижения христианства в глубь страны, а не от властолюбивых поползновений епископа Димитрия и его преемников в целях борьбы с «могущественным» (!) пресвитератом путем «перехода к правовой власти». Создавать ради какой-то борьбы с пресвитерами громадную армию епископов, которые всегда могли встать к александрийскому епископу в еще бо́льшую оппозицию, чем воображаемый «могущественный» пресвитерат, это значило для александрийских епископов бросаться «из огня да в полымя».

Не идея борьбы с пресвитерами объединяла египетских епископов с епископом александрийским. Если бы причиной установления в Египте епископата была необходимость побороть рисующихся в протестантском воображении «могущественных» пресвитеров, то самое существование там епископата было бы случайным и эфемерным, и духовной, нравственной связи между этими епископами и епископом александрийским никогда не установилось бы. Между тем эта связь не только существовала, но и была настолько тесной и трогательной, что сама собой предполагает причины более возвышенные и чистые, чем борьба с пресвитератом. Любовь и тяготение египетских епископов к кафедре св. Марка явственно показывает, что не авторитетом епископа Димитрия, а скорее более могучим авторитетом и завещаниями первоверховного Петра и св. евангелиста Марка заложены были начала той истинно христианской дисциплины, которая побуждала египетских епископов смотреть на александрийского папу, как на своего отца и во всем согласовываться с его мнением и волею. Мы уже видели, как ревновали в своем письме к Мелиту (Мелетию) епископы — исповедники времен Диоклетиана о чести александрийского епископа Петра, именуя его своим отцом, от коего все они зависят по упованию на Иисуса Христа. Но с самым ярким проявлением необычайной преданности египетских епископов кафедре св. Марка, в коей они видели символ своего единства и целости, мы встречаемся на IV Вселенском Соборе. Тот вопль, который подняли эти епископы на соборе, когда, по низложении Диоскора, им предложено было подписать догматическое послание римского папы Льва Великого, представляет собою единственное и исключительное явление в истории христианской церкви. «Пожалейте нас,— взывали они, — подождите (избрания нового) нашего архиепископа, чтобы, по древнему обычаю, мы последовали его мнению. Если мы сделаем что-либо против воли нашего предстоятеля, то весь египетский округ восстанет на нас, как на противников канонов и как на предвосхитителей и не соблюдших по канонам древнего обычая. Будь здесь архиепископ, мы подпишемся и согласимся. Боголюбезнейший архиепископ Анатолий[251] знает, что в египетском округе соблюдается такой порядок, чтобы все епископы повиновались архиепископу александрийскому. Дайте нам архиепископа! И если будем противоречить, нака-

жите нас. Мы согласны с тем, что определяет ваша власть: не противоречим, но — изберите архиепископа! Мы дожидаемся!»[252].

Резюмируя вышеизложенное, мы можем сказать, что:

1) Египет слышал апостольскую проповедь св. Петра, который мог поставить здесь, в области северного Египта, ряд христианских епископов;

2) в тесное взаимообщение и духовную связь с александрийским епископом эти епископы могли быть приведены завещаниями ап. Петра и его сподвижника, св. Марка;

3) как страна, призванная к христианству апостолами, Египет жил одною общею жизнью со всем прочим христианским миром;

4) установленный апостолами епископат умножался по мере успехов христианства и продвижения его в глубь Египта;

5) поэтому епископы были вообще там, где были христиане, т. е. не только в крупных городах египетских номов и самостоятельных дистриктов, но и в селах; и

6) тесная связь Египта с прочими поместными церквами послужила причиной того, что в конце III века в Египте, как и везде, сельские епископы получили наименование хорепископов.

§ 11. Александрийские пресвитеры

Представленное нами исследование о египетском епископате явственно изобличает Евтихия с его сообщением о позднем происхождении этого епископата в очевидном уклонении от исторической истины. Теперь перейдем к исследованию вопроса о пресвитерах.

Патриарх Евтихий сообщает, что избрание александрийского епископа производилось коллегией пресвитеров из 12 человек, которая установлена была еще св. евангелистом Марком вместе с «патриархом» Ананией; в епископы избиралось только то лицо, которое принадлежало к этой коллегии; коллегия же совершала и самое рукоположение своего избранника в епископский сан. Такой порядок, по словам Евтихия, существовал в Александрии до дней епископа Александра, бывшего участника в I Вселенском Соборе.

Итак, по словам патриарха Евтихия, в Александрии «при патриархе» была коллегия из 12 пресвитеров, учрежденная евангелистом Марком. Но это сообщение Евтихия ничем не подтверждается. Акты св. Марка, которые проф. В. Болотов считает памятником высокой достоверности, определенно говорят, что евангелист Марк, узнав о замыслах против него язычников, пред своим бегством из Александрии «рукоположил епископа Ананию, трех пресвитеров — Милея, Савина и Кердона, семь диаконов и одиннадцать других для церковного прислуживания»[253].

Это было, по определению А. фон Гутшмида и проф. В. Болотова, в 61 году. После двухлетнего отсутствия св. Марк возвращается в Александрию. Находит здесь устроенную трудами Анниана церковь близ морского берега в местности, носившей название Буколии, где, по словам Страбона, в более ранние времена было пастбище для скота. А затем чрез некоторое время язычники, узнав о возвращении Марка, предали его смерти в день своего великого праздника в честь Сераписа. Если бы евангелист Марк, по возвращении своем в Александрию, создал такое важное учреждение, как коллегия 12 пресвитеров, обла-

давшая особенными правами, то акты его ни в каком случае об этом не умолчали бы. Сказать об этой коллегии автора актов побудило бы самое наличие ее при нем, так как, по Евтихию, она установлена была с тем, чтобы это число «двенадцать» «всегда сохранялось». Ясно, что если александриец, близкий ко временам св. Марка, ничего о ней не говорит, то только потому, что он ее не знал и ее тогда не существовало. А о том, что действительно было, он говорит самым точным образом: три пресвитера, семь диаконов и одиннадцать низших служителей. Да в большем количестве пресвитеров в то время не было и нужды; кроме того, трудно было и найти большое количество кандидатов в пресвитеры среди членов тогда еще малой александрийской общины.

Как известно, между Александрией и прочими египетскими епископиями установилась тесная связь, и от александрийского епископа получали поставление все египетские епископы. Поэтому александрийская церковь была матерью остальных египетских паримий, или епархий, и последние в своем устройстве брали с нее пример. В известных нам «Церковных постановлениях святых апостолов» (Apostolische Kirchenordnung) в той части, которая, по Гарнаку, составлена из «Устава для клира», читаем такие слова: «Иоанн сказал: поставленный епископ, видя усердие и любовь к Богу сущих с ним, должен поставить, после испытания их, двух пресвитеров. Все возразили, что — не двух, а трех, ибо суть 24 пресвитера (старейшины): двенадцать по правую и двенадцать по левую сторону. Иоанн сказал: вы хорошо напомнили, братие. Да, стоящие по правую сторону приемлют от архангела фиалы и приносят их Владыке»[254] и т. д. Если эти мнимоапостольские собеседования перевести на подлинный язык истории, то увидим, что по первоначальному порядку при кафедрах египетских епископов поставлялось только по два пресвитера, но потом, когда-то во II в., найдено было, что лучше иметь при каждой кафедре не двух, а трех пресвитеров. Конечно, два пресвитера — это minimum, который может иметь и малая община. Но лучше три. Очевидно, что цифра три берется по подражанию александрийской церкви, где в дни возникновения «Устава о клире» все еще было три пресвитера, согласно установлению евангелиста Марка.

Двенадцати пресвитеров в Александрии не было не только при св. Марке, но даже и в половине III века. Церковный историк Евсевий Памфил сохранил нам послания св. Дионисия Александрийского, в коих сей последний воспоминает обстоятельства своей жизни, побуждаемый к тому наветами на него епископа Германа. Отрывочные и запутанные известия, приводимые в этих письмах, кои Евсевий расположил без хронологического порядка, один из болландистов, иезуит Бией (Byaeus), привел в систему и ясность[255].

События шли в таком порядке. По смерти Иракла († 247 г.) александрийскую кафедру занял св. Дионисий. В 249 г., в конце царствования Филиппа Аравитянина, в Александрии произошло возмущение черни против христиан; в числе жертв этого возмущения был александрийский пресвитер Метр (Метрас). В октябре того же года вступил на престол Деций, а в январе 250 г. им воздвигнуто было повсеместное гонение на христиан. Св. Дионисий, разыскиваемый префектом Сабином, удаляется из Александрии, но близ города схватывается воинами и отводится в мареотское селение Танозирис, где местными жителями

освобождается из-под стражи и отвозится дальше в Ливийскую пустыню. Оттуда он ведет переписку с Оригеном, Корнилием римским, Фабием антиохийским и др. В Александрии же в это время свирепствует гонение. Но в конце 251 г. Деций гибнет в битве с готами, и воцаряется Галл. Дионисий отправляется в Антиохию на собор, созванный по вопросу об отношении к Новациану, а после собора путешествует по Египту и посещает Арсинойский ном. В мае 253 г. Галл был убит; престол сначала достался Емилиану, а через три месяца Валериану. Дионисий возвращается в Александрию, откуда принимает письменное участие в споре Рима с Карфагеном по вопросу о перекрещивании еретиков. В 257 г. Валериан воздвиг на христиан гонение, и Дионисий префектом Емилианом высылается в пустынное ливийское местечко Кафро, а оттуда в мареотский городок Коллуфион, где остается до смерти Валериана. Возвратившись в 260 г. в Александрию, он становится свидетелем междоусобной войны, т. е. бунта проконсула Емилиана в 262 г. и последовавшей затем в 263 г. страшной эпидемии (вероятно, чумы). Подвергшись после этого несправедливым обвинениям со стороны некоего епископа Германа в постыдном бегстве из епархии во время гонений, св. Дионисий пишет в свое оправдание несколько посланий как к самому Герману, так и к каким-то Дометию и Дидиму, по-видимому, принадлежавшим к епархии Германа. Незадолго до своей кончины он получает приглашение прибыть в Антиохию на собор против Павла Самосатского, но уже ехать он не мог и в 265 г. 9 марта скончался.

В своем оправдательном письме к Герману о злоключениях своих при префекте Сабине в 256 г. св. Дионисий говорит, что во время его выхода из Александрии при нем не оказалось какого-то Тимофея, который, потом узнав о выходе епископа из города, отправился следом за ним и послужил причиной того, что Дионисий, попавшийся в руки воинов, был отбит от последних мареотскими жителями и отправлен ими далее в Ливийскую пустыню. За св. Дионисием «следовали все свидетели этого события: Гай, Фавст, Петр, Павел»[256]. В письме же к Дометию и Дидиму он писал: «Если вы спросите и захотите осведомиться, как мы жили, то, конечно, услышите. Когда сотник и военачальник с своими воинами и слугами вели нас в узах, т. е. меня, Гая, Фавста, Петра и Павла, то вдруг появились некоторые мареоты и, несмотря на наше нерасположение следовать за ними, взяли и повлекли нас силою. Таким образом мы, т. е. я, Гай и Петр — теперь одни (настоящее историческое вместо прошедшего, для живости и картинности описания), в разлуке с прочими братьями и терпим заключение в пустом и грязном месте Ливии, отстоящем на три дня от Паретониона» (в Мармарике)[257]. В Ливии, таким образом, со святителем в 250 г. проживали Гай и Петр, а Фавст и Павел имели возможность возвратиться в Александрию. Воспоминая о своей явке в 257 г. на суд к префекту Емилиану, св. Дионисий делает буквальную выпись из судебного акта: «Когда приведены были Дионисий, Фавст, Максим, Маркелл и Херимон, то проконсул Емилиан сказал: «Я устно беседовал с вами о том человеколюбии, какое наши властелины оказывают вам»»[258]. Итак, с Дионисием — опять Фавст и еще какие-то новые личности. Что же это были за личности? Пояснение дает сам Дионисий. «Я, — говорит он, — пришел к Емилиану не один; меня сопровождали: сопресвитер мой Максим и диаконы Фавст, Евсевий и Херимон; вместе с нами вошел к нему также некто из бывших там римских братий»[259]. Итак, из

беспорядочно перечисленных языческим протоколистом клириков Максим оказывается пресвитером, Фавст, Евсевий и Херимон — диаконами, а Маркелл — римским клириком, привезшим, вероятно, к св. Дионисию корреспонденцию. Если Фавст, сопутствовавший св. Дионисию, как в 250 г., так и в 257 г., был диакон, то вполне естественно допустить, что упоминавшиеся наряду с ним Гай, Петр и Павел были тоже диаконами при св. Дионисии, потому и служили ему в тяжелые для него минуты. Тот Тимофей, который, во время ухода св. Дионисия из Александрии в 250 г., не оказался в епископии и потом пустился на розыски своего епископа, очевидно, тоже был диакон. Ни в письме к Герману, ни в письме к Дометию и Дидиму св. Дионисий не обозначает сана этих соратников, зная, что его адресатам александрийский клир хорошо известен. Итак, что же мы получаем:

1. Фавст,
   Евсевий,
   Херимон,
   Гай,
5. Петр,
   Павел и
7. Тимофей.

Что это за число семь? Да это число именно диаконов. Семь диаконов поставили св. апостолы в Иерусалиме для служения делу благотворительности (Деян. 6, 3). Семь диаконов поставил св. Марк в Александрии. Семь диаконов, по словам св. Корнилия, епископа римского († 253 г.), было и в Риме[260]. Неокесарийский собор 314 г. своим 15-м правилом подтверждает: «По первоначальному правилу должно быть семь диаконов, хотя бы город был и весьма велик; в этом удостоверишься из книги Деяний Апостольских».

Если в 250 г. в Александрии при епископе Дионисии было семь диаконов, то сколько же было там тогда пресвитеров? На это есть определенный ответ у самого Дионисия в его послании к Дометию и Дидиму. В этом послании читаем вот что: «Они (послы св. Дионисия из Ливии) скрылись в городе, чтобы тайно посещать братий: из пресвитеров — Максима, Диоскора, Димитрия и Луция, ибо известнейшие в мире Фавстин и Акила скитаются в Египте; из диаконов — Фавста, Евсевия и Херимона, которых, после умерших от болезни, только и осталось»[261]. Итак, в то время, как в 250 г. в Александрии было семь диаконов, пресвитеров там состояло только шесть, из коих четверо были в наличности, а двое «скитались в Египте», очевидно, избегая гонения. Это именно упоминание об отсутствующих пресвитерах решительным образом и показывает, что св. Дионисий дает самый полный и исчерпывающий перечень александрийских пресвитеров того времени. Если бы в то время были еще пресвитеры, напр., пострадавшие мученически за Христа, то св. Дионисий, описывая подвиги мучеников своего времени (Юлиана, Серапиона и др.), прежде всего упомянул бы о своих сослуживцах. Но он отмечает только одного пресвитера, именно Метра, пострадавшего еще до Дециева гонения во время народного восстания в 249 году. Вакантное место после Метра св. Дионисий вероятно еще до Дециева же гонения успел заполнить новым лицом, может быть, Луцием. Говоря о тайно посещаемых в Александрии диаконах, св. Дионисий в письме своем указывает только на трех: Фавста, Евсевия и Херимона, но это потому, во-первых, что Гай и Петр находились при нем самом в Ливии, а во-вторых потому, что после 263 г., когда он писал это свое письмо к Дометию и Дидиму, он перечислял лишь тех

диаконов, «которые только и остались в живых после умерших от болезни (т. е. во время страшной эпидемии) Павла и Тимофея, а также Гая и Петра. Данный св. Дионисием Великим после 263 г. перечень александрийских пресвитеров 250 г. совершенно ниспровергает все мнимое «свидетельство» Евтихия о 12 пресвитерах. Даже в половине III в. в Александрии было только шесть пресвитеров. Косвенное подтверждение мнению о малочисленности в Александрии в III в. пресвитеров находим в известном рассказе Дионисия Великого о ренегате Серапионе. Вот что буквально писал Дионисий Фабию, епископу Антиохийскому (251—259 гг.):

«Был у нас (в Александрии) правоверный старец некто Серапион. Он жил долго без укоризны, но во время искушения пал. Часто потом просил он отпустить ему грех, но никто не обращал на него внимания, потому что он принес жертву идолам. Сделавшись болен, Серапион три дня сряду не имел ни языка, ни чувства, но на четвертый, несколько оправившись, подозвал к себе внука и сказал:

— Дитя! долго ли еще вы будете держать меня? Поспешите, прошу вас, дайте мне поскорее разрешение. Позови ко мне кого-нибудь из пресвитеров.

Сказав это, он опять лишился языка. Мальчик побежал к пресвитеру. Это происходило ночью. Пресвитер был болен и потому не мог идти. А так как я приказал, чтобы умирающим, если они просят, особенно если и прежде просили, даваемо было оставление грехов и чтобы отпускали их с благою надеждой, то пресвитер дал дитяти маленькую частицу евхаристии, приказав размочить ее и положить в уста старцу. Мальчик возвратился, и прежде, чем вступил в комнату, Серапион опять стал живее и сказал:

— Ты пришел, дитя мое? Пресвитер не мог придти сам. Так сделай скорее, что тебе приказано, и отпусти меня.

Мальчик размочил частицу и влил евхаристию в его уста. Старец лишь только проглотил ее, тотчас же испустил дух»[262].

Итак, умирающий Серапион нуждается в «разрешении». В то время в Александрии существовал обычай, что христиане держали у себя на дому для своих нужд запасные дары. Обычай этот сохранялся и в IV в., как это видно из письма св. Василия Великого к одной патрицианке, по имени Кесарии: «Все монахи, живущие в пустынях, где нет иерея, храня причастие в доме, сами себя причащают. А в Александрии и Египте и каждый крещеный мирянин по большей части имеет причастие у себя в доме и сам собою причащается, когда хочет»[263]. Но Серапион, как «павший» во время гонения, не мог иметь у себя евхаристию. Однако он не обращается и к ближайшим соседям из христиан, зная, что они не дадут ему евхаристии. Желая получить предсмертное утешение и напутствие, он отправляет своего внука «к кому-либо из пресвитеров». Мальчик идет, конечно, к ближайшему из них. Но пресвитер болен и сам не может посетить больного. Мальчик не бежит к другому пресвитеру. Причина тут не в ночном времени. Если мальчик пришел ночью к одному пресвитеру, то, по его указанию, дошел бы и до другого. Очевидно, что здесь главная причина в том, что до другого пресвитера было далеко идти. На этот путь нужно было затратить много времени; мальчик вынужден был дорожить временем. Того, что сделал больной пресвитер, не случилось бы, если бы в Александрии было двенадцать «патриарших» пресвитеров и еще несколько

приходских. При таком количестве пресвитеров расстояния между их квартирами были бы не слишком значительны и никакого подростка они не смутили бы даже и в ночное время. Ясное дело, что пресвитеров в Александрии было мало и именно столько, сколько указано их св. Дионисием Великим, т. е. шесть. Значит, за все 200 лет, прошедшие со времени кончины св. Марка, в Александрии прибавилось только три пресвитера. Очевидно, что это прибавление трех пресвитеров вызывалось возникновением в Александрии новых храмов, помимо Буколического. Начало возникновения новых церквей в Александрии нужно относить ко времени епископа Агриппина (168—180 гг.), так как Евсевий только о его преемнике Юлиане впервые заметил, что он принял управление над александрийскими «церквами». Так же выражается Евсевий и о дальнейшем епископе Димитрии (189—231 гг.). При кафедральном храме, которым в первые века в Александрии был древнейший храм в Буколии, состояло три пресвитера, установленных евангелистом Марком. Прочие три пресвитера, очевидно, состояли при остальных церквах, коих в половине III в. было три. А что увеличение числа пресвитеров в Александрии шло вместе с увеличением количества там храмов и что при самом александрийском папе, в его кафедральном соборе, всегда состояло только три пресвитера, на это тоже есть веские доказательства.

В эпоху тяжелой борьбы св. Афанасия Великого с арианством в Александрию в 335 г. прибыли из Тира епископы Феогний, Марин, Македоний, Феодор, Урсакий и Валент. Александрийское духовенство подало им в защиту св. Афанасия особое заявление[264], под которым были следующие пресвитерские подписи:

1. Дионисий пресвитер,
Александр пресвитер,
Ниларас пресвитер,
Лонг пресвитер,
5. Аффоний пресвитер,
Афанасий пресвитер,
Аминтий пресвитер,
Пист пресвитер,
Плутион пресвитер,
10. Диоскор пресвитер,
Аполлоний пресвитер,
Серапион пресвитер,
Аммоний пресвитер,
Гай пресвитер,
15. Рин пресвитер и
Аифал пресвитер.

Итого, 16 пресвитеров. При каких же церквах они состояли и сколько всех церквей было в то время в Александрии? Наиболее обстоятельный список александрийских храмов дает св. Епифаний Кипрский. «В Александрии, — пишет он, — было большое число церквей вместе с построенною ныне церковию, называемой Кесарийскою... Много тут, как я сказал, и других церквей, каковы: церковь, называемая Дионисиевою, Феоны, Пиерия, Серапиона, Персия, Дизия, Мендидия, Аннпана, Бавкалийская и другие»[265]. Этим заключительным словом: «и другие» св. Епифаний отмечает, что были в Александрии и еще храмы, не вошедшие в его список. Он не называет здесь кафедрального храма при епископии, существование которого предполагается само собою, ибо ни один город не обходился без такого храма. О существовании кафедрального храма в Александрии сообщается в «Мученичестве св. Петра александрийского» с добавлением, что в этом храме покоились мощи св. евангелиста Марка и погребались прочие епископы[266]. Этим храмом была первая по времени церковь в Александрии, поставленная еще при жизни св. Марка епископом Аннианом. Она находилась на северо-

восточной окраине города, близ моря, в местности, которая называлась Буколией[267]. Представлявшая собою пастбище для скота, Буколия занимала, по-видимому, значительное пространство и была известна далеко. О ней есть упоминание и в житии преп. Антония Великого, приписываемом св. Афанасию Александрийскому. Когда преп. Антоний задумал из Паремволы уйти на новое место, то услышал свыше голос: «Если уйдешь в Фиваиду и даже, как намереваешься, в Буколию[268], то еще бо́льшие и сугубые труды (беспокойства) понесешь. Если же действительно хочешь пребыть в покое, то иди теперь во внутреннюю пустыню»[269]. Рукав Нила, ныне известный под именем Дамьеттского, в древности назывался Буколическим. Видимо, Буколия начиналась от самой Александрии и тянулась в виде низменной, луговой и болотистой полосы на много верст к востоку, обнимая несколько номов.

Помимо кафедрального Буколического храма существовала еще церковь св. муч. Кирина, находившаяся тоже на северо-восточной окраине Александрии. Об этой церкви упоминает в «Истории ариан» св. Афанасий по поводу разбойнического нападения на нее со стороны ариан[270]. В актах александрийских мучеников, пострадавших при Деции, сообщается, что в Александрии были воздвигнуты еще храмы: один в честь пресвитера Метра[271], а другой в честь мученика Юлиана[272]. Наконец, сам Евтихий, а также Севир ашмунайнский сообщают, что епископ Феона вскоре после своего вступления на кафедру построил в Александрии церковь, причем Евтихий говорит, что она была посвящена в честь Девы Марии[273], а Севир замечает, что она носила название «Тамаута», каковое название Ренодот[274] принимает за искаженное слово фа́вмата (thaumata), т. е. чудеса (быть может, Девы Марии). Итак, не считая Кесарийской церкви («Кесариона», построенного на средства кесаря Констанция), как возникшую после 335 г., мы видим, что, сверх кафедральной церкви, в Александрии были такие храмы:

1. Дионисия,
Фесны,
Пиерия,
Серапиона,
5. Персия,
Дизия,
Мендидия,
Анниана,
Бавкалы,
10. Кирина,
Метра,
Юлиана и
13. Тамаута.

Вот и все александрийские храмы IV в., память о коих сохранила нам история. Их 13, а с кафедральным храмом 14. Церковный историк Эрмий Созомен говорит: «В Александрии был, как и теперь есть, обычай, что пресвитеры, под властью одного над всеми епископа, владели особенными церквами и собирали в них народ отдельно»[275]. Каждая церковь, следовательно, имела своего пресвитера. При 13 церквах было и 13 пресвитеров. Остается из 16 современников св. Афанасия еще три пресвитера для кафедральной церкви самого александрийского папы. Значит: как при евангелисте Марке было три пресвитера, так это же самое количество пресвитеров оставалось «при патриархе» и в IV веке.

Итак, «могущественный» александрийский пресвитерат состоял до времен епископа Агриппина лишь из трех пресвитеров. При Агриппине, вероятно, прибавился только один пресвитер, рукоположенный к вновь созданной церкви, каковою, несомненно, была церковь в честь первого александрийского епископа *Анниана* († 82 г.). При епископе Иракле возникла церковь в честь мученика *Кирина,* смерть которого относят к 237 г., в царствование Максимилиана I Тракса. Следовательно, при-

бавился еще один пресвитер. А так как во времени вступления на александрийскую кафедру св. Дионисия Великого в Александрии было не пять, а уже шесть пресвитеров, то нужно думать, что тогда существовала и еще какая-то церковь, устроенная, быть может, при Ираклеи или даже при Димитрии, но до дней св. Афанасия Великого не простоявшая. Как и почему она прекратила свое существование, неизвестно, но при епископе Александре в 318 году она еще существовала, и при ней состоял пресвитер, что явствует из пресвитерских подписей под посланием Александра, разосланным им после совещания его с александрийскими и мареотскими пресвитерами и диаконами по делу Ария. Этих подписей александрийских (городских) пресвитеров было тогда не 16, а семнадцать, именно:

1. Коллуф пресвитер,
Александр пресвитер,
Диоскор пресвитер,
Дионисий пресвитер,
5. Евсевий пресвитер,
Александр пресвитер,
Сила пресвитер,
Арпократион пресвитер,
Агаф пресвитер,
10. Немезий пресвитер,
Лонг пресвитер,
Силуан пресвитер,
Пироус пресвитер,
Протерий пресвитер,
15. Анис пресвитер,
Павел пресвитер и
Кир пресвитер[276].

Значит, при епископе Александре до 318 года было в Александрии действительно 14 приходских храмов. Предполагать, что в Александрии было в начале правления Александра большее количество храмов, из коих затем некоторые перешли в распоряжение Ария и его единомышленников, ни под каким видом нельзя, так как епископ Александр в одном из своих еще до-никейских посланий определенно писал, что Арий и его единомышленники, отделившись от церкви, построили для своих религиозных собраний новые здания, которые Александр назвал «разбойничьими вертепами»[277]. Значит, Бавкалийский храм, где служил Арий, был покинут последним, и епископ Александр поставил туда своего православного пресвитера, который и вошел в число семнадцати. До этого количества александрийский пресвитерат был доведен, конечно, постепенно, по мере того, как при епископах Максиме, Феоне, Петре и Александре создавались новые храмы. Одни из этих церквей возникли в конце III в., другие — уже в начале IV в. К концу III в. нужно отнести возникновение церквей: 1) в честь муч. *Метра пресвитера,* о коем св. Дионисий сообщает, что в 249 г. толпы язычников, схватив его, «приказывали ему произносить богохульства, т. е. порицания на Иисуса Христа; когда же он не слушался, ударяли его по устам палками, кололи ему лицо и глаза острыми тростями и, выведши за город, убили его камнями»[278]; 2) в честь мученика *Серапиона,* пострадавшего тогда же; о нем Дионисий пишет: «взяли они также Серапиона в собственном его доме, терзали жестокими пытками и, переломав ему все члены, бросили его с кровли дома вниз головой»[279]. Храм в честь этого мученика не должно смешивать с знаменитым языческим храмом в честь Сераписа; языческий храм «Серапион» был взят христианами от язычников с бою только в 391 г., а обращен в христианскую церковь лишь в 398 г., когда (27 мая) в него перенесены были мощи св. Иоанна Крестителя, а это было уже через 25 лет по кончине св. Афанасия и через 23 года после издания св. Епифанием своего

«Панария». Но «Серапион», обращенный в христианский храм, получил новое название церкви св. Иоанна[280]; 3) в честь мученика *Юлиана,* пострадавшего в 250 г. в царствование Деция; о нем св. Дионисий даст такие сведения: «одержимый подагрою, не могши ни стоять, ни ходить, он взят был вместе с другими, которые несли его (слугами). Из них один тотчас же отрекся; а другой, по имени Кронион, по прозванию Эвнус, равно как и старец Юлиан, исповедали Господа, и, быв возимы на верблюдах по всему обширному городу и в то же время получая удары бичами, наконец, в собрании всего народа сожжены на сильнейшем огне»[281]; 4) в честь святителя александрийского *Дионисия Великого* († 265 г.); в 358 и 365 гг. при этой церкви находился архиерейский дом св. Афанасия Великого; 5) храм *Бавкалы,* или Бавкалийский, к коему в короткое время правления епископа Ахиллы был назначен известный Арий; некоторые историки (напр., Ниль) отождествляют этот храм с кафедральным Буколическим[282], будучи вводимы в заблуждение, очевидно, созвучием Буколии и Бавкалы. Буколия — пастбище для скота, преимущественно волов. Название же Бавкала, или Бавкалис, по объяснению Филосторгия, происходит от «сосуда, употребляемого в судах при собирании голосов»[283]. Сосуд этот, βαυκάλον, имел своеобразную фигуру и искривленное горлышко; его употребляли и египетские подвижники для ношения воды. Почему александрийскому храму дано было название, напоминающее о сосуде, неизвестно; 6) храм с загадочным именем *Тамаута,* неизвестно в честь кого (возможно, что в честь Девы Марии) основанный при последнем епископе III в. Феоне. Все перечисленные храмы возникли во второй половине III в. Первой четверти IV в. обязаны своим происхождением следующие храмы: 1) в честь мученика *Дизия,* пострадавшего, вероятно, в гонение Диоклитиана; нужно думать, что этот — тот самый Дизий, или Диск, который у архиепископа Сергия (Спасского) в его «Полном месяцеслове Востока» показан под 17 августа; 2) в честь мученика *Мендидия,* умерщвленного в гонение того же Диоклитиана; вероятно, это он именуется у архиепископа Сергия Менесидеем под 14 июля; 3) в честь александрийского *пресвитера Персия,* которого Евсевий Кесарийский считает «среди своих ближайших современников одним из самых редких людей». «Он, — говорит Евсевий, — прославился крайней нестяжательностью и философскими познаниями, чрезвычайными занятиями в созерцании и изъяснении вещей божественных и собеседованиями во всенародных церковных собраниях»[284]; 4) в честь *Пиерия,* бывшего наставника в александрийском Огласительном училище; так как он скончался уже в царствование Константина Великого, то храм в память его мог быть поставлен только во времена или епископа Александра, или даже св. Афанасия; 5) в честь *епископа Феоны;* о построении этого храма во времена Александра св. Афанасий пишет: «Блаженной памяти Александр, поелику все прочие места были тесны, созидая церковь, которая в то время почиталась обширнейшею и называлась Феоною, собирал там народ на богослужение по причине многолюдства и, отправляя службу, не прекращал продолжать строение»[285]. Но св. Афанасий в свое время и эту церковь находил небольшой по сравнению с строившимся тогда в центре города «Кесарионом». Когда-то между 346 и 356 гг. св. Афанасий совершил пасхальное богослужение в «Кесарионе», несмотря на то, что этот храм был тогда недостроен и неосвящен, самому «зданию многого недоставало» и клира

при нем еще не было. Оправдываясь в своем поступке, св. Афанасий писал Констанцию, что он вынужден был в данном случае уступить народу, который не хотел праздновать пасху по разным храмам, а желал собраться в одно место, хотя бы даже за городом под открытым небом. При этом в защиту самого народа он упомянул, что «церквей у нас немного, и те очень тесны»[286]. Что св. Епифанию казалось «большим числом церквей», то св. Афанасию представлялось лишь «немногим», хотя оба они имели в виду одну и ту же цифру. Очевидно, св. Епифаний привык видеть большею частию такие города, где была всего лишь одна архиерейская кафедральная церковь. Слова св. Афанасия заслуживают большого внимания. «Церквей у нас немного»; их с кафедральным храмом 14. Больше, следовательно, и не было. Все эти церкви, даже обширнейший храм Феоны, были «очень тесны». О чем это говорит? Ведь понятие «тесный» — относительное. В данном случае говорится, действительно, о ничтожных размерах этих храмов, рассчитанных лишь на несколько десятков человек. Строившийся во второй половине IV в. «Кесарион» называется у св. Афанасия дважды «великою церковию»[287]. Каковы были размеры этой «великой церкви» — неизвестно. Но во всяком случае тот факт, что «в праздник пасхи в ней могло без давки поместиться все христианское население Александрии», свидетельствует с несомненностью о «сравнительной немногочисленности христиан в Александрии в половине IV в.»[288]. Это — вывод многоученого В. Болотова. Если даже в половине IV в. христиан было в Александрии все еще так немного, то что же сказать о первых веках, а тем паче первых годах христианской эры? Малочисленность александрийских христиан сама собою отвергает средневековый вымысел о «двенадцати пресвитерах при патриархе», сверх прочих пресвитеров, служивших в особых храмах отдельно от епископа, и подтверждает справедливость результатов нашего исследования:

1) св. евангелист Марк поставил в Александрии для ее первых христиан не двенадцать, а только трех пресвитеров;

2) «могущественный» (как воображают А. Гарнак, П. Гидуляков, А. Покровский и др.) александрийский пресвитерат от дней св. Марка до епископа Агриппина, вступившего на кафедру в 168 г., у небольшой кучки александрийских христиан все время состоял только из трех пресвитеров, служивших вместе с епископом при единственном в городе Буколическом храме;

3) со времени епископа Агриппина начинают возникать в Александрии приходские церкви, при которых поставляются для служения отдельные пресвитеры; при Агриппине возникла лишь одна церковь, в честь Анниана, а с нею вместе поставлен был и четвертый пресвитер;

4) в половине III в., при св. Дионисии Великом, в Александрии было уже шесть пресвитеров, а в половине IV в., при св. Афанасии, даже шестнадцать, из коих 13 состояли при тринадцати приходских церквах, а трое — при кафедральном храме епископа;

5) установленное евангелистом Марком число кафедральных пресвитеров («три») оставалось неизменным до конца IV в. и, вероятно, даже далее.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

[107] *Евсевий Кесарийский.* Церковная история, кн. II, гл. 17, русск. перевод с. 93.
[108] Там же, кн. VII, гл. 19, русск. пер. с. 425.
[109] Там же, кн. III, гл. 11, русск. пер. с. 138—139.
[110] Там же, кн. III, гл. 36, русск. пер. с. 171.
[111] Там же, кн. VI, гл. 10, русск. пер. с. 336.
[112] Там же, кн. VI, гл. 29, русск. пер. с. 365.
[113] Там же.
[114] Там же, кн. VI, гл. 39, русск. пер. с. 373.
[115] *Киприан Карфагенский.* Творения, т. I, с. 239.
[116] *Евсевий Кесарийский.* Церковная история, кн. VII, гл. 30, русск. пер. с. 453—454.
[117] Там же, кн. III, гл. 21, русск. пер. с. 145.
[118] Там же, кн. IV, гл. 5, русск. пер. с. 189.
[119] Там же, кн. IV, гл. 11, русск. пер. с. 201.
[120] Там же, кн. VII, гл. 9, русск. пер. с. 406.
[121] Там же, кн. VI, гл. 31, русск. пер. с. 367.
[122] *Афанасий Великий.* Творения, русск. пер., ч. I, с. 395.
[123] *Климент Римский.* Послание к коринфянам, гл. 42; русск. пер.: Писания мужей апостольских, с. 142.
[124] *Каринский М.* Египетские нуден. «Христианское чтение», 1870, № 7, с. 138—141.
[25] Древние отцы и церковные писатели согласно утверждали, что апостолы Петр и Павел пострадали в Риме при Нероне, причем Дионисий Коринфский добавляет, что они оба пострадали «в одно время» (*Евсевий Кесарийский,* Церковная история, кн. II, гл. 25, русск. пер. с. 109). Но относительно года их мученической кончины есть небольшое разногласие. Св. Епифаний Кипрский, например, относит кончину этих апостолов к 12 году царствования Нерона, т. е. к 66 году по Р. Хр. («Панарий», ересь 27, гл. 6), тогда как блаж. Иероним в своей «Хронике» годом их кончины считает 2084-й год от Авраама и 14-й царствования Нерона, т. е. 68 по Р. Хр. Но армянская и сирская редакции «Хроники» Евсевия Кесарийского относят мученическую кончину Петра и Павла к 2083 году от Авраама и 13 царствования Нерона, т. е. 67 по Р. Хр. (*Harnack Ad.* Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius. Th. I, Leipzig, 1897, 71—73, 82). Показания Евсевиевой «Хроники» в ее армянской и сирской редакциях подтверждаются и словами другого греческого церковного писателя V в. диакона Евфалия, говорящего: «Там именно (т. е. в Риме) случилось, что Павел в тридцать шестом году от спасительных страданий, в тринадцатом же (царствования) Нерона принял мученическую кончину, потерпев усечение главы мечом (Migne, Patrol. cursus compl. ser. gr., t. LXXXV, col. 709). Поэтому 67 год (13-й год царствования Нерона) принимается за действительный год смерти апостолов Петра и Павла.
[126] Везде следуем хронологии, установленной Рамсэем. См. выше, § 8.
[127] *Евсевий Кесарийский.* Церковная история, кн. VI, гл. 14, русск. пер. с. 344.
[128] *Страбон.* География; русск. пер. Ф. Мищенко. М., 1879, с. 738.
[129] *Павсаний.* Описание Эллады; русск. пер. Г. Янчевецкого. СПб., 1889, с. 650.
[130] *Zahn Th.* Eintleitung in das Neue Testament. Leipzig, 1898, Band II, S. 19.
[131] *Терновский С.* Очерки из церковно-исторической географии. Каз., 1899, с. 132.
[132] *Чельцов И.* История христианской церкви. СПб., 1861, с. 98.
[133] *Hoffmann I.* Die heilige Schrift Neuen Testaments. Hördlingen, 1870, Th. VII, Abth. S. 202.
[134] *Фаррар Ф.* Первые дни христианства. Пер. А. Лопухина. СПб., 1888, с. 779.
[135] *Болотов В.* Из истории церкви сиро-персидской. «Христианское чтение», 1900, № 2, с. 435.
[136] *Евсевий Кесарийский.* Церковная история, кн. III, гл. I, русск. пер. с. 112.
[137] Древний «дальний восток», от Осроены до Индостана, действительно, как о своем просветителе, хранил память не об апостоле Петре, а об апостоле Фоме. В главном городе Осроены Эдессе (ныне Урфа) уже в IV в. при императоре Валенте (364—378 гг.) был «знаменитый и славный храм, построенный в память ап. Фомы, и в том храме, ради святости места, совершались постоянные собрания»; но возник этот храм гораздо раньше времен арианина Валента, который хотел сжечь в нем православных христиан (*Сократ Схоластик.* Церковная история, кн. IV, гл. 13, русск. пер. с. 345). Существование в древности христиан на Индостане засвидетельствовано писателем VI в. синайским монахом (из купцов-путешественников) Космою Индикоплевстом. Живущие ныне на Малабарском берегу (где Калькутта) сирийские христиане именуют себя фомистами, или христианами ап. Фомы. Есть предание, что св. Фома скончался мученически в индийском

городе Каламине, или Мальпуре (*Germann Wilh.* Die Kirche der Thomaschristen. Madras, 1877, S. 43).

[138] *Климент Александрийский.* Строматы, кн. I, гл. 1, русск. перевод столб. 3. Ср. *Евсевий Кесарийский.* Церковная история, кн. V, гл. 11, русск. пер. с. 282—283.

[139] Там же, кн. II, гл. 16, русск. пер. с. 86.

[140] Там же, кн. II, гл. 25, русск. пер. с. 109; кн. IV, гл. 23, русск. пер. с. 233—234.

[141] Там же, кн. III, гл. 1, русск. пер. с. 112.

[142] Там же, кн. II, гл. 15, русск. пер. с. 85.

[143] *Афанасий Великий.* Творения, ч. I, с. 394—395.

[144] Acta sanctorum, junii, t. V: Patriarcharum alexandrinirum historia chronologica, cap. 53.

[145] *Евсевий Кесарийский.* Церковная история, кн. VI, гл. 42, русск. пер. с. 384.

[146] *Migne.* Patrol. cursus compl. ser. gr, t. XI, col. 798.

[147] *Евсевий Кесарийский.* Церковная история, кн. VI, гл. 10 и 11, русск. пер. с. 336 и 337.

[148] *Harnack A.* Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten, Band II, Leipzig, 1906, S. 71.

[149] *Евсевий Кесарийский.* Церковная история, кн. VI, гл. 43, русск. пер. с. 386.

[150] Там же, с. 392.

[151] *Harnack A.* Die Mission... Band II, S. 111—213.

[152] *Гидулянов П.* Митрополиты в первые три века христианства. М., 1905, с. 203—204. Гидулянов совершенно неправильно относит жизнь и деятельность Евтихия к IX веку, а годы правления Иракла отмечает по фон Гутшмиду, а не по Болотову.

[153] Acta sanctorum, junii, t. V: Patriarcharum..., p. 56—57.

[154] *Harnack A.* Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius. Th. I, Leipzig, 1897, SS. 107 und 202.

[155] *Евсевий Кесарийский.* Церковная история, кн. V, гл. 12, русск. пер. с. 283—284.

[156] Евтихий не говорит, откуда он заимствовал такие сведения о времени епископства Габия (Ганя 2-го). Но едва ли приводимые им здесь даты соответствуют действительности. Нужно думать, что Ганй 2-й скончался гораздо раньше 181 г., ибо в 189 г. епископом в Иерусалиме (и уже не первый год) был Наркисс, а между тем, Наркисс был после Ганя 2-го уже седьмым епископом. Трудно допустить, чтобы в такой короткий период, как 181—189 гг., сменилось так много епископов. Впрочем, история и хронология древнего иерусалимского епископата вообще загадочны. До изгнания евреев из Иерусалима при Адриане в 135 г. со времени кончины второго иерусалимского епископа Симеона Клеопова, т. е., по определению Альфреда фон Гутшмида, с 106 г., в течение 29 лет в Иерусалиме сменилось 13 епископов «из обрезанных». Итого, с 106 по 188 г. в Иерусалиме было 13 «из обрезанных» и 14 «из язычников», а всего 27 епископов, тогда как в Риме за этот период сменилось только восемь епископов, а в Александрии даже семь.

[157] *Евсевий Кесарийский.* Церковная история, кн. V, гл. 22, русск. пер., с. 305.

[158] Там же, кн. IV, гл. 19 и 20, русск. пер. с. 228.

[159] *Болотов В.* Из истории церкви сиро-персидской. «Христ. чтение», 1900, № 2, с. 446.

[160] *Феофил Антиохийский.* Три книги к Автолику о вере христианской. Русск. пер., М., 1865, с. 97.

[161] *Евсевий Кесарийский.* Церковная история, кн. V, гл. 22, русск. пер. с. 305.

[162] Там же, кн. V, гл. 23, русск. пер. с. 306.

[163] Там же, кн. V, гл. 22, русск. пер. с. 305.

[164] Там же, кн. IV, гл. 5, русск. пер. с. 187—188.

[165] Там же, кн. II, гл. 24, русск. пер. с. 107.

[166] Там же, кн. III, гл. 14, русск. пер. с. 140.

[167] Там же, кн. III, гл. 21, русск. пер. с. 145.

[168] Там же, кн. IV, гл. 1, русск. пер. с. 184.

[169] Там же, кн. IV, гл. 4, русск. пер. с. 187.

[170] Там же, кн. IV, гл. 5, русск. пер. с. 188—189.

[171] Там же, кн. IV, гл. 11, русск. пер. с. 201.

[172] Там же, кн. IV, гл. 19, русск. пер. с. 228.

[173] Там же, кн. V, гл. 9, русск. пер. с. 280—281.

[174] Там же, кн. V, гл. 22, русск. пер. с. 305.

[175] Там же, кн. VI, гл. 26, русск. пер. с. 363.

[176] *Von Gutschmid A.* Kleine Schriften. Leipzig, 1889, Band II, S. 423.

[177] *Болотов В.* Из истории церкви сиро-персидской. «Христ. чтение», 1900, № 2, с. 446.

[178] *Епифаний Кипрский.* Панарий, ересь 24, русск. пер. ч. IV, с. 129.

[179] *Бругш.* История фараонов. Пер. Г. Властова. СПб., 1880, с. 9—16. *Brugsch.* Dictionnaire géographique de l'ancienne Egypte. 1880.

[180] *Сократ Схоластик.* Церковная история, кн. I, гл. 6, русск. пер. с. 19.

[181] *Афанасий Великий.* Защитительное слово, русск. пер. с. 189, 192.

[182] Сардикийский (Сердикский) собор, признаваемый за поместный, созывался в свое время в качестве собора экуменического, «вселенского».

[183] *Bingham Jos.* Origines sive antiquitates ecclesiasticae. Halae Magdeburgicae, 1758, t. III, pag. 422—424.

[184] *Hieroclis.* Synecdemus et notitiae graecae episcopatuum. Editio Partey. Berolini. 1866, pag. 80—85. В этой книге изданы два памятника. Один памятник — это Synecdemus, т. е. Спутник, составленный около 520 г. греческим грамматиком Нероклом и содержащий в себе список 64 провинций и 912 городов византийской империи. Другой памятник — Notitiae, или Сведения обо всех древних епископских кафедрах, принадлежит императору Льву Мудрому (886—912 гг.) и патриарху Фотию (род. 820; † 886 г.).

[185] *Афанасий Великий.* Защитительное слово. Русск. пер.: Творения, ч. I, с. 255—256 и 295.

[186] Имя этого епископа значит «благой Аммон». Аммон — солнечное божество древних египтян, имевшее главный храм с оракулом в оазисе Сивах (Аммониака). Удивительным и загадочным представляется какое-то тяготение египетских христиан к имени этого божества при том отвращении, какое питали древние христиане вообще ко всему языческому. Среди египетских христиан и даже епископов очень нередки были имена: Аммон, Аммоний, Аммониан, а также сложные: Агафаммон, Властаммон, Иракламмон, Психраммон, Ниламмон, Сарапаммон и т. д.

[187] Вероятно, этого Аполлония св. Афанасий в своей «Истории арian» относит к числу тех престарелых епископов, коих арианe «принудили к бегству».

[188] Он упоминается св. Афанасием в числе престарелых епископов, коих арианe «принудили к бегству».

[189] По всей вероятности, это — епископ кинопольский (Верхнего Кинополя), участник I Вселенского Собора; об участии его на Вселенском Соборе свидетельствует Сократ Схоластик, который ставит его наравне с Евстафием антиохийским и Макарием иерусалимским; видимо, на Вселенском Соборе Арпократион был личностью весьма заметной. Ле-Кьен упоминает и о другом Арпократионе, епископе навкратийском, тоже бывшем на Первом Вселенском Соборе; но это — личность совсем неизвестная.

[190] Вероятно, он упоминается у Афанасия в числе престарелых епископов, коих арианe принудили к бегству. Его кафедра была в Паратонии, в Ливии — Мармарике.

[191] Он тоже был в числе вынужденных бежать, но св. Афанасий не причисляет его к престарелым.

[192] Тоже не из престарелых, но вынужденных бежать из своей епархии.

[193] Это епископ из Верхней Фиваиды, известный исповедник, пострадавший в Диоклитианово гонение. На Первом Вселенском Соборе некоторые из епископов, как сообщает Сократ Схоластик, предложили «ввести в церковь новый закон», чтобы епископы и прочие священнослужители, состоя в браке, воздерживались от плотских сношений с своими женами. Но против этого предложения неожиданно восстал Пафнутий. В 335 г., будучи в Тире на соборе и видя здесь преобладание ариан и личных врагов св. Афанасия, исповедник Пафнутий, по сказанию, сообщаемому Эрмием Созомоном, «взяв за руку иерусалимского епископа Максима, встал и сказал: «мы, исповедники, которым за благочестие выкололи глаза и подрезали колена, не должны принимать участия в совещании людей лукавых».

[194] Псай упоминается в числе епископов, вынужденных арианами бежать из своих епархий, но св. Афанасий не относит его к престарелым.

[195] О Сарапаммоне св. Афанасий свидетельствует, что это был исповедник, сосланный египетским епархом (проконсулом) Филагрием арианином в заточение.

[196] Это — единственный епископ, который в своей подписи под докладом египетских епископов «светлейшему комиту Флавию Дионисию» назвал свою кафедру: «Тимофей Диоспольский». Но в Египте было два Диосполя. Вероятно, Тимофей был епископом в Диосполе Великом, т. е. в Фивах (стовратных).

[197] Епископствовал в г. Атрибисе (в Августамнике II).

[198] По Ле-Кьену, Филипп был епископом панефисским и участником I Вселенского Собора.

[199] Элурион — редкое имя; оно значит «котенок». Припомним: Тимофей Элур, т. е. «кот» или «кошка». Имя Элуриона носил в IV в. и один из нитрийских подвижников, учеников преп. Аммона.

[200] Адамантий, по исследованию Ле-Кьена, был епископом в Нижнем Кинополе; присутствовал на I Вселенском Соборе.

[201] Арвефион (Арбетион), по Ле-Кьену, был из числа членов I Вселенского Собора; епископствовал в Фарбете.

[202] Аристон, по свидетельству св. Афанасия, был посвящен в епископы из монахов.

[203] Не знаем, можно ли этого Исхирриона отождествлять с скитским подвижником Исхирионом, который тоже был будто бы епископом и память которого совершается в сырную субботу.

[204] Об этом епископе св. Афанасий дает такие сведения: «Потамону епископу-исповеднику, который лишился даже глаза во время (Диоклитианова) гонения, ариане нанесли множество ударов по шее и не прежде перестали мучить его, как признав уже мертвым; так был он брошен, и едва через несколько часов, после многих стараний и отдуваний, начал дышать, потому что Богу стало угодно даровать ему жизнь. Но чрез несколько времени он умер от тяжести этих ударов и может о Христе похвалиться двукратным мученичеством».

[205] Тиранн, по Ле-Кьену, был епископом антинойским и присутствовал на Первом Вселенском Соборе.

[206] Св. Афанасий в своей «Истории ариан» упоминает о трех епископах, носивших это имя. В данном случае можно разуметь того Аммония, который раньше был монахом, «странствовавшим с Серапионом». Вероятно, он же причисляется Афанасием к тем «престарелым» епископам, коих ариане «принудили к бегству» из епархий.

[207] Здесь, вероятно, подпись того Аммония, который в епископский сан был рукоположен еще епископом Александром; во время господства ариан, по требованию военачальника Севастиана, был отправлен в ссылку в Верхний Оазис. Его кафедра была в г. Пахневмоне (в Египте II).

[208] Анагамф (у Сократа и Феодорита кирского: Анагамфон) св. Афанасием тоже причисляется к «епископам, много лет епископствовавшим еще со времени Александра и состарившимся в клире». Он тоже был сослан в Верхний Оазис.

[209] Как видно из «Свитка св. Афанасия», он был епископом в Арсиноите.

[210] Аполлоний из числа тех «престарелых епископов», коих ариане «принудили к бегству».

[211] Ганй — по всей вероятности, лицо тождественное с Каем фтенотским, который, по Ле-Кьену, был участником I Вселенского Собора.

[212] Сократ Схоластик и Феодорит Кирский в числе египетских епископов, отправленных арианами в ссылку, называют некоего Ерму. Трудно сказать, одно ли и то же лицо ссыльный Ерма и подписавшийся здесь Ермий. Под «Свитком Афанасия» есть подпись Ермия, епископа г. Таниса (в Августамнике I).

[213] Муий, по свидетельству св. Афанасия, был сослан арианами в Аммониаку, т. е. в оазис Сивах. Сократ называет Муия Тмуисом.

[214] Ниламон был тоже из числа высланных в Аммониаку (Сивах).

[215] Орион, как видно из 67 письма Синезия птолемандского, был епископом пентапольского города Эриффы; в его же ведении находились небольшие города Палебиска и Гидракс, которые затем самовольно отложились от него и избрали себе в епископы другое лицо.

[216] Павел, по словам св. Афанасия, был епископом в Летополе (возле нынешнего Каира); он рукоположен Афанасием из монахов.

[217] Этого Пафнутия св. Афанасий именует в числе «престарелых» епископов, которых ариане «принудили к бегству». Его кафедра была в г. Сансе.

[218] Псеносирис был в числе старых епископов, рукоположенных Александром, а арианами высланных в Аммониаку (Сивах).

[219] Это — известный Сарапион, которого христианский философ IV—V вв. диакон Евагрий в своей книге «Гностик» назвал «ангелом тмуитской церкви». По отзыву Созомена, Сарапион был «муж весьма уважаемый за святость жизни и красноречие». Он состоял в дружбе с св. Афанасием, который и рукоположил его в епископы из игуменов. Монашеская община, руководимая игуменом Сарапионом, состояла будто бы из 10 тысяч человек. Как друг св. Афанасия, Сарапион всюду выступал его защитником и даже в целях этой защиты он в числе пяти египетских епископов ездил в 355 г. в Рим к императору Констанцию. От него осталось несколько сочинений (напр., «Против манихеев»), в том числе и «Евхологион».

[220] Возможно, что это тот самый Сарапион (Серапион), который, по Ле-Кьену, был участником Никейского Собора и занимал кафедру в Антифре (в Ливии).

[221] Это — тот самый Филон киринский, который, по сообщению Синезия птолемандско-

го, незаконно рукоположил некоего Сидерия в епископы города Палебиске, когда последняя отпала от Ориона.

222 Об этом Филоне св. Афанасий сообщает, что он, по требованию военачальника Севастиана, выслан был в заточение в г. Вавилон (разумеется, египетский).

223 Об Агапии встречаем упоминание у Феодорита кирского, как о епископе, отправленном арианами в ссылку.

224 Агафон упоминается св. Афанасием в числе престарелых епископов, коих ариане «принудили к бегству». Он архиерействовал в г. Фрагоне (в Египте II).

225 Агафодемон у св. Афанасия в том же числе епископов, принужденных к бегству. Он епископствовал в Схедии и Менеланте.

226 Адельфий — епископ, сосланный, по сообщению св. Афанасия, арианами в фиванскую Пеннаблу. Он епископствовал в Онуфисе лихнийском. Св. Афанасий писал к нему особое послание, похваляя его борьбу с еретиками.

227 Этот Аммоний, по словам св. Афанасия, принужден был арианами к бегству; но он не был из числа «престарелых».

228 Он был поставлен св. Афанасием из монахов. «Скольких монахов отцом стал Аполлон!» — говорил о нем св. Афанасий.

229 Афинодор — один из старых епископов, поставленных при Александре. Он был сослан арианами в Аммониаку (Сивах).

230 Драконтий — епископ малого Гермополя, поставленный св. Афанасием из монахов. Под влиянием монахов, Драконтий оставил епархию и снова вернулся в монастырь. Св. Афанасий написал ему увещательное послание, которое и отправил с пресвитером Нераксом и чтецом Максимом. Драконтий последовал увещанию св. Афанасия. В последующее время Драконтий был сослан арианами «в пустынные места около Клизмы».

231 У св. Афанасия Евлогий упоминается в числе престарелых епископов, которых ариане «принудили к бегству».

232 По сообщению св. Афанасия, Ерений принадлежал к числу епископов, рукоположенных при Александре; арианами он отправлен был в ссылку — в Верхний Оазис.

233 Под «Свитком Афанасия» он подписался епископом г. Андро, т. е. Андроникия (Андромены).

234 Этот Марк был рукоположен еще епископом Александром; ариане сослали его в Верхний Оазис. Он епископствовал на острове Филэ.

235 Об этом Марке св. Афанасий сообщает, что он был отправлен в Аммониаку (Сивах). Он принадлежал к числу епископов, поставленных Александром. Под «Свитком св. Афанасия» он подписался, как «епископ Зигров близ Ливии».

236 Мина был епископом г. Антифра.

237 Мовит был епископом где-то в Верхней Фиванде. Он поставлен был св. Афанасием из монахов.

238 Плиний — из числа епископов, сосланных арианами в Аммониаку (Сивах). Он рукоположен был еще во времена Александра.

239 О Плуспане известно, что он был епископом тмуитским, преемником св. Сарапиона. В 359 г. он присутствовал на Селевкийском поместном соборе (в Сирии).

240 Флавия св. Афанасий причисляет к тем престарелым епископам, которые арианами были принуждены бежать из своих епархий.

241 Acta sanctorum, junii, t. V: Patriarcharum..., cap. 53.

242 *Евсевий Кесарийский.* Церковная история, кн. IV, гл. 8, русск. пер., с. 195.

243 *Афанасий Великий.* Творения, ч. I, с. 398.

244 *Климент Римский.* Послание к коринфянам, гл. 42; русск. пер.: Писания мужей апостольских, с. 142—143.

245 *Евсевий Кесарийский.* Церковная история, кн. V, гл. 16; русск. пер., с. 292.

246 Там же, кн. V, гл. 24; русск. пер., с. 308—309.

247 Там же, кн. VII, гл. 30, русск. пер., с. 451—452.

248 Деяния вселенских соборов; русск. пер., т. IV, с. 113.

249 *Созомен Эрмий.* Церковная история, кн. VII, гл. 19, русск. пер., с. 518.

250 *Афанасий Великий.* Защитительное слово. Русск. пер.: Творения, ч. I, с. 301—302.

251 Председатель IV Вселенского Собора, патриарх константинопольский, ранее бывший архидиаконом в Александрии.

252 Деяния Вселенских Соборов, русск. пер., т. IV, с. 51.

253 *Migne.* Patrologiae cursus compl. ser. gr., t. CXV, col. 166.

254 *Harnack Ad.* Die Lehre... S. 233.— См. ниже § 12 и выше § 7.

255 Acta sanctorum, october, t. II: dies 3. Commentarius historicus in Vitam sancti Dionysii.

256 *Евсевий Кесарийский.* Церковная история, кн. VI, гл. 40, русск. пер., с. 377.

257 Там же, кн. VII, гл. 11, русск. пер., с. 416—417.

[258] Там же, русск. пер., с. 412.
[259] Там же, русск. пер., с. 411.
[260] Там же, кн. VI, гл. 43, русск. пер., с. 389.
[261] Там же, кн. VII, гл. 11, русск. пер., с. 417.
[262] Там же, кн. VI, гл. 44, русск. пер., с. 393—394.
[263] *Василий Великий.* Письмо 89; русск. пер.: Творения, ч. VI, М., 1848, с. 220.
[264] *Афанасий Великий.* Защитительное слово. Твор., ч. I, с. 287.
[265] *Епифаний Кипрский.* Панарий, ересь 69; Творения, ч. IV, с. 109.
[266] Martyrium sancti Petri Alexandrini, pag. 687.
[267] *Migne.* Patrologiae cursus compl. ser. gr., t. CXV, col. 168.
[268] В русском переводе вместо собственного имени: «в Буколию» передано такими словами: «к пасущим стада волов». Неправильность очевидна.
[269] *Афанасий Великий.* Творения, русск. пер., ч. III, М., 1853, с. 248.
[270] Там же, ч. II, с. 86.
[271] *Ruinart Th.* Acta primorum martyrum sinsera et selecta. Parisii, 1731, pag. 124.
[272] Ibid., p. 126.
[273] *Migne.* Patrilogiae cursus compl. ser. gr., t. CXI, col. 994.
[274] *Renodotius.* Historia patriarcharum..., pag. 53.
[275] *Созомен Эрмий.* Церковная история, кн. I, гл. 15, русск. пер., с. 60.
[276] *Labbe.* Concilia generalia et provincialia graeca et latina, t. II. Parisis, 1644, pag. 349.
[277] *Феодорит Кирский.* Церковная история, кн. I, гл. 4, русск. пер. с. 18.
[278] *Евсевий Кесарийский.* Церковная история, кн. VI, гл. 41, русск. пер., с. 378.
[279] Там же, с. 379.
[280] *Болотов В.* Из церковной истории Египта. «Христианское чтение», 1885, № 1—2, с. 89—90.
[281] *Евсевий Кесарийский.* Церковная история, кн. VI, гл. 41; русск. пер., с. 381.
[282] *Neal J.* A History of the Holy Eastern Church. Vol. I, p. 7.
[283] *Филосторгий.* Сокращ. церковная история, русск. пер., с. 319.
[284] Там же, кн. VII, гл. 32, русск. пер., с. 465.
[285] *Афанасий Великий.* Защитительное слово. Творения, ч. II, с. 19.
[286] Там же, с. 18.
[287] *Афанасий Великий.* История ариан. Творения, ч. II, с. 147.— Защитительное слово. Творения, ч. II, с. 18.
[288] *Болотов В.* Из церковной истории Египта. «Христианское чтение», 1885, № 1—2, с. 33. Ср.: *Терновский С.* Очерки из церковно-исторической географии. Каз., 1899, с. 128.